

18+

Анатолий Сарычев

Игорь Вольфсон

Гражданин СССР

Анатолий Сарычев

Гражданин СССР

«Издательские решения»

Сарычев А.

Гражданин СССР / А. Сарычев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-512883-6

Средняя Азия, конец восьмидесятых годов XX века. Размеренная жизнь ученого-экономиста Бориса Шварцмана в один день превращается в кошмар: погони, стрельба, противодействия спецслужб, притом каждая преследует свои цели. Крупнейший город Ташкент, загадочный и совсем не исследованный Устюрт, который находится всего в часе лета от цивилизованных мест! Успеет ли Борис покинуть страну, вы узнаете, прочитав новый боевик популярного автора Анатолия Сарычева.

ISBN 978-5-00-512883-6

© Сарычев А.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	15
Глава третья	22
Глава четвертая	26
Глава пятая	31
Глава шестая	37
Глава седьмая	40
Глава восьмая	48
Глава девятая	59
Глава десятая	64
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Гражданин СССР

Анатолий Сарычев

Игорь Вольфсон

Большинство действующих лиц, как и событий придуманы автором и всякое сходство, не более, чем случайность. Хотя описаны и реальные события, которые на самом деле происходили, как в седой древности, так и совсем недавно.

Анатолий Сарычев

© Анатолий Сарычев, 2020

© Игорь Вольфсон, 2020

ISBN 978-5-0051-2883-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

Куда приведет дорога на работу?

Нужно написать три диссертации!

Неожиданная встреча с капитаном КГБ Каримовым.

«Сдать статью в американский сборник, поправить французскую статью, откорректировать сто страниц диссертации Гульчехры! Не опоздать в два часа на встречу в СовМин ^[1]! И обязательно просмотреть текучку! Очень много хвостов накопилось! А ведь послезавтра надо сдать отчет за квартал, а у меня и конь не валялся! – раскладывал по полочкам самые крупные дела Борис Шварцман, прогревая двигатель «Тройки» ^[2], стоящей под огромным урюковым деревом у самого забора.

Забор был из старого кирпича ^[3], который Борис сам сложил, едва только семья переехала в этот дом, который тогда стоял на самой окраине Ташкента.

Борису надо было через неделю ехать на первые туркестанские соревнования по боксу, а родители уперлись и не хотели отпускать.

– Построишь забор – тогда и поедешь! – поставил условие отец, который два раза не повторял свои слова.

Выступать в легком весе было некому, и вот вся сборная Узбекистана по боксу, явилась на хашар ^[4] к Борису домой.

Теоретически, Борис мог смастерить кирпичную кладку сам, но вот практически делать это нашему герою никогда не приходилось.

За день до хашара, Борис ходил на ближайшую стройку и внимательно посмотрел на работу мастеров, попутно задавая вопросы по технологии кладки, методике приготовления цементного раствора. Когда же мастера стали коситься на Бориса и хмурить брови, достал из сумки три холодных бутылки пива Шестого Пивзавода ^[5], молча, поставил на доски, аккуратно застеленные газетными страницами.

Мастера, моментально подобрили лицами, просветленными глазами посмотрели на Бориса и, отхлебывая пенящийся напиток, еще двадцать минут объясняли тонкости работы, на прощанье, подарив Борису малку, мастерок, ковш и отвес, сделанный из старой крупнокалиберной пули.

Эта пуля до сих пор хранилась в ящике письменного стола Бориса, напоминая о первых годах в новом доме.

Два полутяжа ^[6] на большом железном листе, споро мешали раствор, три средневеса ^[7] таскали ведра с раствором, а три боксера в весе пера ^[8] подавали кирпичи Борису, зато первый и второй тяжи ^[9] готовили плов в большом котле, красиво играя рельефными мышцами.

Три часа работы и двухметровый забор стоял на специально подготовленном фундаменте.

Еще два часа и четырехметровый забор был готов, а вся команда наскоро помывшись в летнем душе уселась на веранде, дружно поедая плов из четырех расписных ляганов ^[10].

– Ты, Боря, больше под деревом машину не ставь, урюк начал спеть и на машину падать. Попортит полировку твоего железного коня, найдешь себе лишние проблемы! Оно тебе нужно? Или у нас двор маленький? Как ты будешь на пятнистой машине ездить? – напомнила бабушка, выходя к перилам большой деревянной веранды.

Огромная веранда площадью пятьдесят пять квадратных метров была сделана из некрашеного дерева, но прекрасно отполированного и покрытого бесцветным лаком. Веранда слу-

жила любимым местом отдыха всей семьи, где родственники в полном составе собиралась не меньше трех раз в неделю.

На стол ставился ведерный самовар и пара литровых чайников с двумя вазами конфет, которые никогда не переводились в доме.

В руках у бабушки был веник, которым она начала подметать двор, вымощенный метровыми полированными бетонными плитами. Между плитами тыл насыпан слой мелкой гальки, которую Борис сам собирал на Чирчике^[11] и мешками привозил домой.

Дедушка купил этот дом сразу после землетрясения^[12] и вот уже больше двадцати лет вся большая семья Шварцманов жила в этом доме на Какракамыше^[13].

Сейчас в доме жил сам Борис Шварцман, со своей женой Фирой и дочерью Евой, которой только недавно исполнилось десять лет, сыном Мишей, на два года старше, бабушкой Геней и дедушкой Кополом, который час назад ушел на работу. Благо ему было всего пятьсот метров до заводика, где он работал заместителем главного конструктора вот уже сорок лет.

Отец с матерью, жившие в отдельном флигельке, около самых ворот, уезжали в шесть тридцать, так как служебная машина отца, именно в это время подъезжала к воротам дома.

Белая Волга завозила отца сначала на вторую территорию завода, потом мать в техникум, и через час возвращалась за отцом, чтобы отвезти на завод.

Позже всех, к десяти утра, уезжал Борис, который долетал на своей «Тройке» за двадцать минут до своей работы.

«Интересная вещь получается: сколько контор я прошел, а везде у меня сохранились хорошие отношения не только с людьми, но с руководством! Просто я сам человек хороший!» – похвалил себя Борис, пропуская вперед белую милицейскую Волгу, с мигалкой на крыше.

А вот впереди шедшая черная Волга, пропускать ментов не стала, нахально заняв крайний левый ряд, при свободном правом.

Борис, предусмотрительно притормозил и даже пропустил вперед серый четыреста двенадцатый Москвич, которым управлял седобородый аксакал в черных каплевидных очках.

– Водитель черной Волги! Прижмитесь вправо! – грянуло от белой Волги, что совсем не произвело впечатления на ее темнокожую соплеменницу.

Черная волга, как ни в чем не бывало, продолжала быстро ехать по левой полосе, практически совсем прижимаясь к белой осевой линии.

Если по их стороне машин было много, но «окна» в потоке все-таки встречались, то по встречной половине дороги машины шли сплошным потоком, не оставляя возможности проскочить не только легковушке, но и даже мотоциклисту – одиночке.

Обогнать черную «нахалку» по левой стороне было практически невозможно. И тогда белая Волга, снова включив сирену, и правый поворотник, попыталась обогнать справа черную соплеменницу. Но не тут – то было!

Черная Волга рыскнула вправо, не давая белянке произвести маневр. И как раз в этот момент, аксакал на Москвиче, обогнав «Тройку», рванул вперед, стараясь занять свободное место во втором ряду.

Белая Волга, снова что-то рывкнула матюгальником, и тормознула, но как-то вяло, рассчитывая, что Москвич уберется с дороги.

То ли аксакал перепутал газ и тормоз, то ли просто растерялся, но Москвич рванул вперед, ухитрившись зацепить Белую Волгу за заднее крыло и чиркнуть черную по бамперу.

«Теперь часа на два будет разборка! Пока ГАИшники приедут, пока составят протокол! Начнут мерять рулеткой, писать бумаги, много базарить и в конечном итоге все свалят на аксакала! Сегодня точно на работу опоздаю! Вот только на сколько?» – оценил ситуацию Борис, дисциплинированно притормаживая и останавливаясь у правой обочины дороги, продолжая

с интересом наблюдать за развитием транспортного происшествия, тем более, что движение на дороге полностью стало.

События, между тем развивались по совсем не типичному сценарию. Из черной Волги выскочили два узбека в милицейской форме и подбежав к белянке, сходу начали размахивать руками и кричать.

Стекло в белой Волге пошло вниз.

Высокий мент, сунул голову внутрь, и через секунду дернулся, как будто ему хлопнули по ушам.

Выдернув голову из белого автомобиля, мент круто развернулся, и с места рванул к злополучному Москвичу, аксакал из которого только что вышел и, встав в метре от своего автомобиля, критически обзрел состояние своего транспортного средства.

Судя по довольному виду аксакала, повреждения автомобиля были незначительны.

«У этого примуса железо толстое и ничего не стоит выправить! Пара бутылок водки и любую вмятину поправят!» – оценил повреждения Москвича Борис, чего было нельзя сказать о Волгах, особенно ментовской. Да и белая Волжанка имела приличную царапину.

«Меня бы раздели до трусов! Не дай Бог попасть в аварию, особенно с сильными мира сего!» – на всякий случай взмолился Борис, продолжая внимательно наблюдать за происходящим.

Менты добежали до Москвича и только начали орать, как аксакал, одетый в белый костюм повернулся.

На левой стороне белого пиджака ярко блеснула золотая звездочка Героя Советского Союза.

Ментов как будто выключили.

Борис зажмурился и потряс головой, проверяя: не мерещится ли ему.

Нет, все было на месте.

Менты, по-прежнему, стояли на месте, уставясь на Москвич, как на машину главы Узбекистана, внезапно оказавшейся перед ними. А вот возле аксакала материализовался невысокий кореец, и что-то темпераментно заговорил, прижимая правую руку к сердцу.

Закончив короткую тираду, кореец сделал шаг вперед и что-то сунул в правый боковой карман пиджака аксакала.

Аксакал величаво кивнул и только успел сделать первый шаг к своей машине, как менты ринулись к Москвичу, быстро размахивая руками.

Первый мент подскочил к машине, плавно открыл водительскую дверцу, а второй что-то говорил, предупредительно кланяясь.

Наконец, аксакал раздраженно махнул рукой и отодвинув первого мента, сел в свою машину.

Менты выстроились в шеренгу и одновременно поклонившись, выкинули правые руки в сторону, разрешая движение.

Москвич, включив левый поворот, отъехал от обочины и Борис недолго думая, пристроился сзади, держа дистанцию пять метров.

Москвич, как лоцман в морском проливе, полном мелей и рифов, бодро несся вперед, строго держась второго ряда.

И Борис старался не отстать от шустрого аксакала, временами приближаясь до двух метров.

Десять минут спустя, машины в плотной связке проехали Бешагач ^[14] и за автобусной остановкой Москвич, не показывая поворота, ушел направо, в сторону мясокомбината ^[15].

Еще десять минут езды, Борису пришлось немного простоять в заторе, который образовался при пропуске двух черных Волг с правительственными номерами и наш герой, въехав

на площадь Джамии^[16], где и располагалась его работа – в здании Узбекбирляшу^[17]. Около лестницы резко пахло свежей шурпой^[18], которую прекрасно готовили в ресторане этого здания.

Объехав здание с правой стороны, Борис припарковал машину на своем месте, отметив, что место Волги, на которой ездил заведующий лабораторией, стоит свободным.

А вот пятно свежего масла, размером с половину ладони, на месте стоянки Волги шефа, говорило о том, что этом месте ночевала какая-то чужая машина.

«Ильяс Фаридович никогда бы не допустил, чтобы из картера его машины текло масло!

Явно кто-то из охранников поставил свое ведро^[19]!» – понял Борис, закрывая свой автомобиль на ключ.

Взяв свою сумку, накинул ремень на плечо, прошел десять метров, и стал неторопливо подниматься по широкой мраморной лестнице, которая вела на второй этаж.

Лаборатория, где трудился Борис, находилась на втором этаже, как раз напротив стеклянных дверей ресторана «Кооператор», в котором можно было прекрасно поесть.

Если в СССР поесть было проблемой, то в Узбекистане такой проблемы никогда не было!

Прямо на улицах стояли казаны, в которых варился плов или шурпа, а на лотках можно было купить самсу^[20], манты и свежайшие лепешки, которые прямо таяли во рту.

Только в Узбекистане есть настоящие лепешечные базары, в которых можно купить лепешки тридцати – сорока сортов^[21] и размеров: от маленькой, с ладонь величиной, до огромной, размером с автомобильное колесо легкового автомобиля.

Поднявшись на второй этаж, Борис нос к носу столкнулся с Шавкатом, директором ресторана «Кооператор».

– Борис – ака^[22]! Приходите сегодня обедать! У нас съезжаются все лучшие повара с республики! Три дня будет проводиться соревнования! Самые вкусные манты^[23] и лучший плов сможете попробовать у меня в ресторане! – прижимая правую руку к сердцу и склоняясь в поклоне, пригласил Шавкат.

– Спасибо большое! Обязательно приду! – пообещал Борис, в свою очередь наклоняя голову.

– Зайдите на секунду в зал! Очень надо! – шепотом попросил директор ресторана. Широко открывая стеклянную дверь, на которой был нарисован усатый узбек в белом колпаке и с поварешкой в правой руке.

– Я опоздаю на работу! – попробовал отказаться Борис, делая шаг в сторону своей двери, до которой осталось только пересечь вестибюль.

Шавкат взял Борис за локоть и подтолкнул в открытую дверь.

За дверью никого не было видно.

Сама дверь плавно пошла назад и замок мягко щелкнул.

– Борис-ака! Большое спасибо за дочку! Если бы не вы, то девочку могли выгнать из института! – снова склонился в поклоне директор магазина, протягивая Борису пухлый конверт.

– Я с вами разговаривать не буду! Вы попросили помочь, я помог! – зло сказал Борис, отрицательно мотнув головой.

– Хоп! Хоп! – сходу сообразил директор ресторана, воровато оглядываясь по сторонам.

Сунув конверт в свой карман, Шавкат приблизился к Борису и негромко сказал:

– Вчера приходил человек и серьезно спрашивал о Вас!

– Что за человек? Мент? – попробовал уточнить Борис.

Шавкат покачал головой и поднял глаза вверх, показывая, что все намного серьезнее.

Сердце Бориса сразу ушло в пятки и мозги бешено заработали:

«Круче ментов только ЧеКисты. Неужели мной заинтересовались КГБшники?»

Я пишу только диссертации. Беру по минимуму,
и со мной расплачиваются в основном «услугами», а деньгами очень редко.

Клиенты у меня весьма крутые и болтать лишнего не будут! Со шпионами я не якшаюсь, да и с иностранцами только в израильском центре и с редакциями специальных журналов! Очень сложная ситуация! Как она не вовремя! И это в тот момент, когда мы подали документы на выезд! Надо попробовать расспросить Шавката!»

– Что конкретно спрашивал человек? – льстиво спросил Борис, вспоминая, что для того чтобы поставить экзамен и зачет дочке Шавката по экономике торговли пришлось выходить на проректора Нархоза ^[24]. Хорошо, что проректор вспомнил Бориса по совместной поездке в Москву на конференцию по изучению спроса населения на непродовольственные товары. Пять минут разговора, написанная статья в американский журнал с фамилией проректора, и вопрос был решен.

– Дочке нужно статистику поставить! – поставил условие Шавкат.

– Попробую решить вопрос с экзаменом! – весело пообещал Борис, которого сейчас больше занимала нездоровая суета около его персоны, чем экзамен дочки директора ресторана.

– Все, все, все! – замахал руками Шавкат и махнув рукой, пошел в сторону закрытой двери, около которой стоял молоденький официант, держа на вытянутых поднос с десятком палочек шашлыка и двумя лепешками.

Борис глазами показал на официанта.

Шавкат моментально отозвался на немой вопрос Бориса:

– Это мой племянник! При нем можно говорить спокойно! Да и русский язык он знает плохо! Только неделю назад приехал из Хорезма!

Открыв ключом дверь, Шавкат приказал:

– Олик обор кейма рахбор башлык! ^[25]

– Хоп, баджарамиз ^[26]! – наклонил голову племянник и едва дверь открылась, ужом проскользнув в нее, бегом побежал к дверям лаборатории.

Пока Борис дошел до середины вестибюля, официант вернулся обратно, бегом пересекая открытое пространство.

«Здорово Шавкат племянника выдрессировал!» – восхитился про себя Борис, открывая дверь, рядом с которой висела табличка, с загадочной аббревиатурой, ничего не говорящей посторонним: «ЦНИЛ» ^[27].

Вся лаборатория представляла собой тридцатиметровую комнату, в которой стояло четыре стола: один, большой полированный, в центре, за которым сейчас сидела лаборант Фирюза и ела шашлык, ловко снимая зубами кусочки мяса с алюминиевой палочки.

На лаборантском столе уже стоял электрический чайник, из носика которого била струйка пара.

– Шефа не будет до вечера! – доложила Фирюза, не прерывая поедания шашлыка.

Профессор Мирходжаев Ильяс Фаридович не часто баловал подведомственную лабораторию своим присутствием, передав всю полноту власти Борису. весь штат лаборатории состоял из тридцати трех человек: профессора, молодого кандидата экономических наук Бориса Викторовича Шварцмана, лаборантки Фирюзы Закировой, дальней родственницы зам директора Узбекбирляшу, воспринимавшей свою работу как синекуру ^[28], но беспрекословно выполнявшей просьбы Бориса. (девушка училась на вечернем отделении Нархоза, где Борис читал лекции и изредка помогал девушке написать контрольные и курсовые).

Остальные тридцать человек: лаборанты и МНС ^[29] постоянно сидели в командировках, собирая материал и статистику для конъюнктурных обзоров.

– Завари чай, пожалуйста! – попросил Борис, присаживаясь рядом с лаборанткой.

Взяв палочку шашлыка, Борис машинально снял верхний кусочек мяса, источающий пряный запах зиры^[30] и красного перца.

«Вроде страна рассыпается на составные части, везде бардак, разруха и непрерывное воровство, а при слове „КГБ“ все так же дрожь пробирает до печенок!» – размышлял Борис, не замечая, что съел первую палочку шашлыка и принялся за вторую.

Взяв пиалу с зеленым чаем, Борис перешел за свой стол, весь заваленный бумагами, папками толстенными книгами. Рядом с первым столом стоял еще один, сантиметров на десять пониже, на котором был установлен персональный компьютер, с пятнадцатидюймовым монитором сверху.

Повернув стул на тридцать градусов, Борис нажал кнопку «Пуск», и откинулся на на спинку, ожидая пока загрузится комп.

Подождав, пока на экране загорится заставка, Борис встряхнул головой и сразу погрузился в работу по составлению конъюнктурного обзора деятельности Узбекпотребсоюза за первый квартал.

Но цифры показывали резкое снижение потребления населением всей республики.

Борис встал, открыл сейф и достал свою личную папку. Взяв сборник ЦСУ по доходам и расходам населения Узбекистана и начал его просматривать, открывая на своих закладках. И ужаснулся! Цифры показывали резкое снижение потребительской способности населения. Отсутствовало товарное покрытие рубля!

Дефицит был по всем позициям!

От проявившейся картины у Бориса зашевелились волосы не только на голове, но и чуть ниже пояса и даже в том месте, где спина теряет свое благородное название.

«Весьма печальная, если не сказать, ужасающая, картинка складывается!» – успел подумать Борис, как раздался резкий телефонный звонок.

Так звонил межгород или телефон правительственной связи.

Эти звуки с некоторых пор вызывали повышенный приток крови к голове и неприятный зуд в руках Бориса, ассоциируя с неприятностями.

Все-таки воспитанный пионерской организацией, Комсомолом, Коммунистической партией, членом которой он уже три года являлся, и проживший всю жизнь в Советском Союзе, Борис старался жить тихо и незаметно, норовя не привлекать внимания к своей особе.

Иногда на работу звонили родственники из Израиля и приходилось понижать тон, чтобы остроухая лаборантка не услышала, что говорил Борис.

Борис по слуху определял такие звонки и всегда с настороженностью относился к телефону с такими трелями.

– Вас слушают! – нейтрально ответил Борис.

– Каримов Саид Каримович – капитан КГБ. Могу я услышать товарища Щварцмана?

– Вы с ним говорите, – осипшим от волнения голосом ответил Борис, прекрасно понимая с представителем какой могущественной организации он говорит.

– Я жду вас в кабинете триста шесть через сорок минут! Вход через пятый подъезд! Пропуск на вас получите у дежурного в подъезде!

Не забудьте паспорт! И не опаздывайте! – приказал неизвестный капитан Каримов и в трубке послышались короткие гудки отбоя.

Борис осторожно положил трубку на рычаг, как будто она была из стекла.

Пару секунд посидев, бессмысленно смотря в окно и начал действовать.

Борис моментально выскочил из-за стола, на ходу бросив:

– Я в СовМин!

И не слушая вопросов лаборантки, Борис бросился из кабинета, еле успев одеть на правое плечо, свою сумку.

И только сев в свою машину, Борис перевел дух.

«Собственно говоря, что произошло? Позвонили из Комитета и пригласили для беседы? Вполне рядовое событие! Может Комитету Глубокого Бурения понадобилась моя консультация по вопросам спроса формы?» – попытался успокоить себя Борис, не замечая, что вот уже две минуты не может вставить ключ в замок зажигания.

От волнения руки тряслись.

«Надо успокоиться и взять себя в руки! Буду решать вопросы по мере их возникновения!» – решил Борис, переводя взгляд вниз.

Только сейчас Борис заметил, что вставляет ключ, в замок зажигания, вверх ногами.

«Надо подумать о чем-нибудь приятном! Например, об эротике! Вспомнить, как драл^[31] свою аспирантку на базе отдыха в Чимгане^[32]!» – приказал себе Борис, поворачивая ключ зажигания.

Мотор завелся с пол оборота.

Дав мотору минуту поработать, Борис выжал сцепление, включил первую скорость, и как всегда плавно тронулся с места.

Выехав с площади и начав движение по дороге, Борис заметил черную Волгу, которая тронулась с места, пропустив Тройку вперед, метров на пятьдесят.

На Богдана Хмельницкого^[33] Волга рванула вперед и остановилась за перекрестком с Шота Руставели^[34]

Не обращая никакого внимания на движущийся поток автомобилей, открылась левая задняя дверь и из нее выпорхнула черноволосая девушка в милицейской форме.

Пройдя метров десять вперед, милиционерша встала у правой бровки дороги и быстро махнула жезлом мотоциклисту, который выскочил из-за остановившегося автобуса и только начал набирать скорость.

«Ловко девушка мотоциклиста подсекла!» – мысленно похвалил Борис, смотря, как не обращая внимания на махнувший жезл милиционерши, мотоциклет прибавил скорость и умчался по левой стороне.

Плавно тронувшись с места, Борис объехал автобус и тут же нажал на тормоз, сразу включив правый поворотник.

Милиционерша, которой было не больше двадцати пяти лет, повелительно приказывала машине Бориса остановиться.

Остановившись напротив девушки, Борис выключил двигатель, достал из нагрудного кармана специальный портмоне, в котором лежали все документы на автомобиль.

Выскочив из машины. Борис расплылся в улыбке и первым делом поздоровался, протягивая портмоне.

– Пройдите в машину! – приказала девушка, забирая документы и кивком головы указывая на стоящую черную Волгу.

– Слушаюсь мадам! – снова улыбнулся через силу Борис, которому очень хотелось врезать девушке в ухо, схватить документы и мчаться на встречу с КГБшником.

– Мадмуазель, с вашего позволения! – нервно улыбнулась девушка, останавливая еще один красный Жигуленок.

Дойдя до Волги. Борис заметил в открытом окне автомобиля, что за рулем сидит Зухра, которая кивком головы указала на переднее пассажирское сиденье.

Едва Борис уселся, как Зухра жестким тоном, быстро заявила:

– Тебе надо срочно написать две диссертации!

– Это займет минимум семь – восемь месяцев! – сразу поставил условие Борис.

– Одну диссертацию – максимум через пол года, а вторую можешь отдать и через семь месяцев! – повернувшись на девяносто градусов, показала правой рукой Зухра на кожаную сумку на заднем сиденье

– Мне придется бросить все дела и заниматься только вашими диссертациями. Я же еще работаю! – промямлил Борис, понимая, что отказывать дочке второго заместителя министра МВД он не может.

Сумка оказалась неожиданно тяжелой.

«Кирпичи они туда наложили, что ли? Хотя бумага сама по себе тяжелая!» – пожалел себя Борис, кладя сумку на колени.

– В сумке лаптоп^[35], который только вчера привезли из Штатов! Так тебе быстрее работать будет! По телефону, который лежит на клавиатуре внутри лэптопа, свяжешься с моей родственницей в Чимкенте – она вторая заказчица диссертации! – закончила разговор Зухра, жестом выпроваживая Бориса из машины.

– Как прикажете! – согласился Борис, не совсем понимая, о чем с ним говорит девушка.

– Принтер тебе позже подвезут! – донеслось до Бориса, едва он сделал первый шаг от Волги.

«Какой такой принтер? С чем едят министерский принтер?» – сам себя спросил Борис, подходя к своей машине.

– Возьмите права, товарищ водитель! – протянула портмоне девушка – милиционер и шепотом добавила:

– Там внутри мой номер телефона! Позвони вечером часов в восемь! Я буду ждать! Только звони с телефон – автомата!

– Обязательно позвоню! – пообещал Борис, садясь в автомобиль.

Остановившись на перекрестке, Борис, перегнувшись назад, кинул на только что полученную сумку, большое вафельное полотенце, невесть как оказавшееся в машине, и только после этого поехал дальше.

Доехав до огромного здания Комитета Государственной Безопасности Узбекистана, Борис припарковался на стоянке и на подрагивающих ногах пошел к торцу здания.

И буквально сразу наткнулся на маленькую медную табличку на которой было написано: «Подъезд №5»

Открыв тяжелую дверь, Борис попал в небольшой прохладный вестибюль и сразу наткнулся на седого старшину, около которого стоял невысокий, худой узбек в строгом сером костюме.

– Мне приказали явиться в пятый подъезд! – негромко сказал Борис.

– Товарищ Шварцман? – уточнил узбек, забирая паспорт из рук Бориса.

– Так точно! – по-военному ответил Борис, вставая по стойке «Смирно».

– Вас ждут! Я провожу вас! – объявил гражданский узбек, первым начиная движение.

Как они прошли на третий этаж. Борис не помнил.

В себя он пришел, когда сопровождающий, который за все время путешествия по узким лестницам и двум переходам не сказал ни единого слова, коротко постучав в дверь, открыл ее и спросил: – Разрешите?

Услышав короткое: – Войдите! – первым вошел в кабинет и остановился.

Дождавшись, пока Борис войдет, закрыл дверь, и быстрым шагом дойдя до стола, за которым сидел коренастый узбек с плечами борца и приплюснутыми ушами, четко доложил:

– Шварцман Борис Викторович доставлен! – положив на абсолютно пустой стол паспорт Бориса.

– Свободен! – бросил Борец, протягивая правую руку, поросшую рыжеватыми волосами Борису, которому ничего не оставалось, как пожать ее.

– Присаживайтесь! – предложил Каримов, убирая только что принесенный паспорт на правый угол стола.

– Спасибо! – выдал Борис, осторожно присаживаясь на край стула.

– Вы собираетесь эмигрировать в Израиль? – быстро спросил Умаров, пристально посмотрев на собеседника.

– Угу! – буркнул Борис, понимая, что все документы все равно проходят через КГБ.

– У вас имеется вещь, которая ни в коем случае не должна покинуть пределы страны! Лучше придите ко мне и просто передайте ее! Ничего вам за это не будет! Это я вам обещаю, капитан Каримов!

– Я не понимаю, о чем идет речь? – совершенно искренне ответил Борис.

– Придите домой, поговорите с родственниками. Мы вам все равно не дадим вывести эту вещь из страны! Вы же хотите нормально и без проблем и задержек уехать? – вежливо спросил Каримов.

– Конечно, хочу! – громко ответил Борис, смотря как Каримов, открыв ящик стола, вынул из него лист бумаги.

– Надо написать диссертацию по этой теме! И тогда вы сможете спокойно уехать в свой Израиль! – презрительно сказал Каримов, протягивая лист Борису.

– Мне будут нужны статистические данные и номенклатура продукции с техническими характеристиками! И девять месяцев!

– Как только сделаете работу, можете ехать! – заявил Каримов, убирая лист в свой стол.

Открылась дверь, и на пороге появился знакомый сопровождающий, который быстро прошел к столу и, забрав паспорт, вложил в него лист бумаги.

Глава вторая

Болезнь бабушки

Начало бабушкиного рассказа о прошлом. Подходим к родовым тайнам семьи Шварцманов.

«Пошли все к Бениной матери! Запарили все мозги с этими диссертациями! Все хотят стать учеными!» – ругался про себя Борис, отъезжая от огромного здания Комитета Государственной Безопасности.

Проехав метров сто, Борис понял, что едет в другую сторону.

Круто развернувшись, благо ни одной машины видно не было, Борис поехал обратно, продолжая прокручивать в голове только что закончившийся разговор.

«Совсем народ стыд потерял! Напиши диссертацию срочно и быстро! Можно подумать, что это такое простое дело! Взял и написал! Больше мне делать нечего! Но о какой вещи говорил НКВДшник, которая есть в нашей семье? Что ценного есть в нашей семье, чего нельзя вывозить из страны?» – продолжая, ругаться про себя, как и размышлять, Борис и только тут заметив, что три водителя легковушек, которые ехали ему навстречу, крутили указательными пальца ми у правого виска.

«Что-то я не так делаю! Чего водилы мне показывают?» – переключил все внимание на дорогу Борис, включая левый поворот, тем более, что с правой стороны перекрестка стоял милиционер в форме, который укоризненно посмотрел на Бориса, но ни поднимать жезла, ни предпринимать каких-то действий не стал, а отвернулся, давая возможность Жигуленку Бориса свободно проехать.

По перпендикулярной дороге неслись три белых Волги, которые Борис дисциплинированно пропустил, на всякий случай, повернувшись назад.

И тут же увидел знак одностороннего движения, на улице, с которой он только что выехал, и дублирующий знак «Правый поворот запрещен!»

«Надо быть более внимательным! Проехал по улице со встречным движением прямо на мента и он ничего не сказал и не сделал! Так и до аварии недалеко!» – сам себя укорил Борис, проезжая большой перекресток, слева от которого стоял ЦУМ, а с правой стороны гостиница «Ташкент»^[36].

Переехав перекресток, Борис двинулся прямо, только сейчас вспомнив, что уже время обеда и не мешало бы перекусить, тем более, что ехать на работу после таких встрясок, совсем не хотелось.

«Перекушу в «Голубых Куполах»^[37] решил Борис, паркуясь на служебной стоянке около тыльной стороны ЦУМа.

На ЦУМовской стоянке оставляли свои и служебные машины работники ЦУМа, а посторонние просто не рисковали парковать свои машины.

Борис, по работе, часто бывал в огромном магазине и всегда оставлял машину на этой стоянке, зная, что ее там никто не тронет.

Закрыв машину, Борис пересек улицу Ленина, прошел бульвар и сев на летней веранде, заказал плов и чай.

«Странное дело! Рядом Госпитальный и Туркменский рынки^[38] стоят. Госпитальный рынок живет и благоденствует, а Туркменский помер! А ведь сотни лет работал! Если не тысячи! Почему?» – размышлял Борис, не торопясь, отпивая из пиалы зеленый чай.

– Ты помнишь старый Туркменский рынок, бола^[39]? – спросил невысокий, седой аксакал^[40], останавливаясь рядом со столом.

– Утырин, ата ^[41]! – предложил Борис, вскакивая с места. Уважение к старшим Борис выпитал с молоком матери. Да и в Узбекистане за хамство по отношению к старикам, можно очень легко получить по физиономии. И даже если милиция такое увидит, то наверняка отвернется, сделав вид, что ничего не видит, а то и сама накостыляет по шее.

– Спасибо, сынок! – на прекрасном русском языке, ответил аксакал, присаживаясь напротив.

Борис с интересом смотрел на старика, в котором было что-то знакомое, подняв вверх правую руку.

Подскочил официант, которого Борис, негромко попросил:

– Чайник чая и пиалу!

– Сейчас принесу! – пообещал официант и умчался.

Буквально через минуту прибежал другой официант и принес на подносе поллитровый чайник с синими хлопковыми коробочками, пиалу с желтым сахаром и чистую пиалу, прямо со сверкающими коробочками хлопка, обрамленные золотым контуром.

Внимательно посмотрев на левую сторону пиджака аксакала, Борис заметил две дырочки. И в голове Бориса сразу что-то щелкнуло.

Перед ним сидел аксакал из утреннего эпизода с Москвичом на дороге.

Вернее не из эпизода, а из старенького Москвича.

Сделав каменную физиономию, которая так хорошо действовала на тупых студентов, которых последнее время развелось огромное количество, Борис с интересом посмотрел на своего неожиданного собеседника и неожиданно для себя ответил на первый вопрос аксакала:

– Мне Туркменский рынок нравился больше чем Госпитальный. Особенно до землетрясения.

Он был меньше Госпитального, но какой-то более человечный.

– Согласен с вами! Переехал базар на другое место и помер! Вроде и прилавки новые поставили и продавцы те же, а прибыли нет! Вот цены и пошли вверх, а покупатели на Госпитальный перекинулись, а кто и на Алайский, благо тот на старом месте остался! – разглагольствовал аксакал, отпивая мелкими глотками чай.

Борису в это время принесли плов, который он с аппетитом ел, внимательно слушая разглагольствующего аксакала, который неожиданно спросил:

– Ты, где до землетрясения жил?

– На Кашгарке ^[42], – ответил Борис, отодвигая от себя пустую косу.

– Где именно? – последовал быстрый вопрос аксакала.

– Около Пожарки, – неопределенно ответил Борис, отвлекаясь в разговоре от тяжелых дум сегодняшних, совсем не ординарных событий для обычного кандидата наук.

«Не каждый день же тебя вызывают в КГБ! И слава Богу! Избавь меня Всевышний, от подобных посещений!» – взмолился про себя Борис, на секунду выпадая из кафе.

– Ты меня не слушаешь! – ворвался в тяжелые мысли, высокий голос аксакала.

– Я совсем молодой был во время землетрясения! Учился в девятом классе и меня больше всего в тот момент, интересовало состояние нашей школы!

– Почему? – взметнул ввысь жидкие брови аксакал.

– Ввели выпускные экзамены в девятом классе и нам очень не хотелось их сдавать, – улыбнулся детским воспоминаниям Борис.

– Я так давно школу закончил, что не помню, что сдавал и когда! Больше помню сдачу кандидатского минимума ^[43] и защиту кандидатской диссертации! – широко улыбнулся аксакал.

– Что же такое интересного было при защите кандидатской диссертации? – с интересом смотря на аксакала, который теперь не казался ему таким старым.

– Я защищался вместе с очень интересным человеком, который занимался физиологией человека под водой. Он притащил в зал ученого совета скафандр водолаза и сорок минут рассказывал, как тяжело находиться человеку под водой! Ученые мужи изумленно тарачились то на соискателя, то на скафандр водолаза и на его слова совсем не обращали внимания, но согласно кивали головами.

«Интересное кино! У нас в институте тоже был клуб подводного спорта! Если одеть акваланг, то можно уйти от любого наблюдения! Сильно сомневаюсь, что КГБшники готовы, к такому развитию событий! Я даже раза три ходил в бассейн „Текстильщик“ на их тренировки. И вроде у меня неплохо получалось плавать с ластами! И тренер был знакомый – наш студент с мех фака! Надо будет найти его!» – промелькнула в голове Бориса шальная мысль.

Аксакал, тем временем, разливался соловьем, вспоминая свою молодость.

– Защитился ваш водолаз или его прокатили? – не совсем вежливо, прервал Борис своего словоохотливого собеседника, демонстративно посмотрев на часы.

Стресс от посещения КГБ начал проходить и Борис вспомнил, что у него в багажнике автомобиля лежит только что подаренный лаптоп.

Ладони прямо зачесались посмотреть, что это за штука это устройство, и с чем ее едят, вернее как на нем работать.

– Защитился! И через год уже получил кафедру в политехническом институте, а через пять лет профессора! – восхищенно заявил странный аксакал, чему-то усмехаясь.

– Большое спасибо за интересную беседу! – кладя на стол пять рублей, церемонно поклонился Борис, вставая из-за стола.

– Будет желание вспомнить старые времена, позвони! – предложил аксакал, протягивая Борису визитную карточку, на которой было написано золотом:

«Умаров Фарид Сагиевич, член-корреспондент Академии наук СССР» и стояло четыре номера телефона, один из которых был московским.

– Очень признателен! – склонил голову Борис, в свою очередь вынимая из кармана свою визитку, которая осталась у него от международного прошлогоднего конгресса.

– Только, извините, визитка у меня только на английском языке! – развел руками Борис, ткнув пальцев в денежку, которую положил на блюдце, перенаправив вопрошающий взгляд официанта.

– Разберемся, молодой человек! – с каким-то неожиданным задором, поднося визитку близко к глазам, ответил аксакал, кладя Борисовскую визитку в нагрудный карман пиджака.

«Один раз взглянул и все! Либо у старикана фотографический взгляд, либо он ничего не увидел!» – оценил поведение аксакала Борис и круто развернувшись, пошел к выходу.

Двадцать минут спустя, Борис остановил машину на своем месте около высотного здания Узбекбирляшу, аккуратно закрыл ее, и взяв сумку с лаптопом, поднялся к себе в лабораторию.

Фирюза, листавшая какой-то иллюстрированный журнал, не торопясь, встала на ноги, и потянувшись, как Багира^[44], томно заявила:

– Звонил шеф и сказал, что уехал в Туркмению на международный симпозиум и будет через неделю!

Приходили телефонисты и поменяли нам все телефоны!

– Это очень интересно и вовремя! – глубокомысленно заявил Борис, передвигая на край стола сумку с лаптопом, с которым собрался начать разбираться.

– Приходил Шавкат и приглашал меня и тебя поучаствовать в жюри конкурса поваров! Странный он какой-то! Увидел телефонистов, покраснел и сразу ушел! – продолжала вываливать новости Фирюза, начиная заниматься своим любимым делом – красить ногти.

Девушка выложила на стол пяток одинаковых пузырьков с лаком для ногтей, флакон с ацетоном и с идиотской улыбкой внимательно начала рассматривать стеклянную тару, решая «самой сложнейшую» задачу: «В какой цвет покрасить ногти?»

«Почему именно идиотскую улыбку? Сам-то ты как улыбаешься, когда бываешь в автомобильном магазине?» – задал себе вопрос Борис, одновременно вспоминая, что его так зацепило при приходе на работу.

Мелодично зазвонил телефон на столе у Фирузы.

– Алле! ЦНИЛ изучения спроса населения! Вас внимательно слушают! – нейтральным голосом выдала Фируза, прижимая трубку к левому уху правой рукой.

Секунд тридцать послушав, девушка отодвинула трубку и растерянно сказала:

– Одну минуточку, бабушка! – глазами показывая на зеленый телефон, стоящий на подоконнике, справа от Бориса.

«Что за фамильярное обращение на работе!» – поморщился Борис, беря трубку своего телефона.

– Шварцман у телефона! – торжественно заявил Борис.

– Боренька! Мне плохо! Сердце сильно прихватило! Витеньки и Цили нет на работе, а дедушка уехал в Чимкент^[45]!

– Сейчас приеду! Какие лекарства привезти? – пообещал Борис, глазами отыскивая сумку с лаптопом.

Сумка была на месте, а вот стопка папок на окне была сдвинута сантиметров на пять вправо.

Утром Борис помнил: стопка была на месте, и расстояние между стеной подоконника папками было ровно два сантиметра. Там помещалась книжка Афанасьева «Научный коммунизм», которую Борис утром вынул.

– Ты документы на окне не трогала? – спросил Борис, тыкая пальцем в кнопки новенького телефона.

– Я ничего на вашем столе не трогала! Это, наверное, телефонисты подвинули, а вы на меня бочки катите! – вздернула аккуратную головку Фируза.

– Извините! – буркнул Борис, прижимая телефонную трубку к правому уху.

Наконец, трубку сняли.

– Моисей Израилевич! Это младший Шварцман говорит! – представился Борис, и сразу же продолжил:

– С бабушкой плохо! Прихватило сердце!

– Быстрее езжай домой, а я сам подъеду на «Скорой помощи!» – распорядился заведующий кардиологическим отделением республиканской больницы.

– Я поехал! – доложил Борис, вскакивая со своего места.

– Меня сегодня не будет! Если что, я работаю дома! – беря со стола три папки и засовывая их в сумку, выдал Борис, с неудовольствием узрев в дверях зам начальника соседней лаборатории Вадима, стоящего в дверях.

– Почему вам поставили новые телефоны, а нам нет? Чем мы хуже вас? – пошатываясь из стороны в сторону, спросил Вадим.

По комнате распространился тяжелый коньячный дух, перебивая запах приторных духов Фирузы.

– У нас начальник лаборатории – профессор, а у вас только кандидат наук! – привел неопровержимый аргумент Борис, выскакивая из кабинета.

Заскочив на Беш-Агаче^[46] в аптеку, Борис купил лекарства от сердца, по совету молодой аптекарши, и сразу рванул домой.

Подъезжая к дому, Борис пропустил вперед «Скорую помощь», которая неслась по левой стороне дороги, оглашая окрестности громкой сиреной и сполохами мигалки.

Прямо возле дома, «Скорая помощь» подрезала «Тройку» Бориса и остановилась около ворот.

Борис выскочил из машины и, подскочив к калитке, открыл ее, пропуская дородного Моисея Израилевича перед собой.

Бабушка лежала на диване на веранде и при виде врача чуть приподняла правую руку вверх.

Моисей Израилевич вытащил из кармана халата толстую пачку, в пластиковой упаковке, вытащил из середины салфетку, тщательно и неторопливо вытер руки, и взяв бабушку за тонкое правое запястье, пошевелил толстыми губами, хмыкнул, подождал пять секунд и отпустил бабушкину руку.

Снова пожевал губами, надел очки в толстой роговой оправе, протянул правую руку вперед, задрал левое бабушкино веко, наклонился и внимательно стал всматриваться в левый глаз.

Нетерпеливо махнул левой рукой, выгоняя стоявшего столбом Бориса, и стал осматривать правый бабушкин глаз, одновременно вынимая из правого кармана стетоскоп с красными резиновыми шлангами.

Понимая, что он лишний при этом медицинском манипулировании, Борис прошел внутрь дома, переоделся и уже в длинных шортах и синей спортивной футболке, вышел на кухню.

Налил в чайник воды, поставил его на газ и стал сервировать столик на колесиках, тонко нарезаю лимон и апельсин.

Положил в вазочку орехи, черный, желтый, темно-синий кишмиш, чайник чая и стопку пиал, насыпал большую вазу шоколадных конфет и покатил тележку на веранду

На веранде сидел Моисей Израилевич и о чем-то тихо беседовал с бабушкой.

– Давайте чая попьем! – предложил Борис, выкатывая тележку на веранду.

– Очень много работы! – попробовал отказаться врач.

– Все болезни от сердца, только десять от удовольствия! – возвестила бабушка, подняв вверх указательный палец правой руки.

– Вам Геня Львовна, виднее! – почему-то усмехнулся Моисей Львович.

– Я все хорошо помню! И твоего приятеля, который сейчас на земле обетованной трудится, – только начала говорить бабушка, как Моисей Израилевич, поднял вверх, правую руку, приказал:

– Матлюба! Езжайте обратно! Я наблюдаю за больной пару часов! Мне не очень нравится ее состояние!

– Хорошо, Моисей Израилевич! – моментально отозвалась миловидная девушка – узбечка, показываясь на веранде.

– Пойду, загоню машину во двор! – мгновенно сообразил Борис, выскакивая вслед за девушкой.

Вставить слово никто не успел, как Борис выскочил из веранды.

В пару секунд, догнав медсестру, которая уже дошла до середины двора, Борис негромко спросил:

– Как состояние моей бабушки?

– Ничего страшного. Для ее возраста сердце нормальное, – дернув левым плечом, но, не поворачивая головы, ответила девушка, перекладывая металлический чемодан из правой руки в левую.

– Давайте я помогу донести чемодан до машины! – предложил Борис, протягивая правую руку вперед.

Девушка без уговоров отдала ящик, который оказался неожиданно тяжелым.

«Килограммов тридцать весит! Как девушка таскает такую тяжесть?» – мгновенно определил Борис, как всякий боксер, даже бывший, умеющий сразу определять вес живых людей, да

и не только. Чем часто пользовался при сборе хлопка, точно определяя вес собранного «белого золота», только приподняв фартук с драгоценным урожаем с земли,

– Вы там золото носите? – поинтересовался Борис, оценивая аккуратные бедра девушки, туго обтянутые белым халатом.

– В чемодане прибор для диагностики работы сердца! – пояснила мед сестра, открывая железную калитку.

Донеся тяжелый чемодан до автомобиля, Борис открыл дверь машины и первым делом поставил его внутрь, рядом с носилками, попутно выяснив, что в «Скорой помощи» находится помимо водителя, еще один мужик в белом халате, который зло посмотрел на него, но говорить ничего не стал.

Галантно поддержав под локоток девушку, которая села на пассажирское место, рядом с водителем, Борис наклонил голову, скороговоркой буркнув: «Большое спасибо», пошел к своей машине, справедливо решив, что медсестра сама определится, что и как ей поступить.

Отгнав свой Жигуль на дорогу, Борис откинулся на спинку сиденья и внимательно смотрел, как «Скорая помощь» разворачивается около ворот его дома.

Загнав машину во двор, Борис поставил ее на свое место и только после этого закрыл ворота.

Порозовевшая бабушка сидела в своем любимом кресле на веранде, а напротив нее устроился Моисей Израилевич и о чем-то мило ворковал.

– Оказывается, мы, Боренька, жили на Кашгарке на параллельных улицах! – всплеснула руками бабушка.

– И я этого тоже не знал, а то бы не ходил на ваши лекции! – засмеялся Моисей Израилевич, наливая себе в маленькую рюмку золотистый коньяк.

Перед бабушкой тоже стояла рюмка до половины налитая крепким алкогольным напитком.

На вопросительный взгляд Бориса, Моисей Израилевич, выдал:

– При сердечной недостаточности весьма рекомендуется принять немного коньяку!

– Не знал! – совершенно искренне ответил Борис, присаживаясь на стул, рядом с бабушкой.

– Учтите на будущее, молодой человек! – пояснил врач, вопросительно смотря на бабушку, явно приглашая вернуться к прежнему разговору.

– Мы приехали в Красноводск из Астрахани и должны были сесть на поезд до Ташкента, но тут произошла задержка. Вернее, мы задержались пока добирались из Бекдаша до Красноводска на верблюдах.

– Что за Бекдаш? Никогда не слышал! – удивился врач, наливая Борису коньяка.

– Мне же вас домой надо везти! – попробовал отказаться Борис, сам не очень большой любитель Зеленого Змия, даже в коньячном исполнении.

– Я вызову такси и меня отвезут до самого дома! – привел неопровержимый аргумент врач, поднимая свою рюмку к глазам.

– Когда мы шли из Астрахани, разыгрался сильный шторм, и нам пришлось пристать в Бекдаше. Это совсем маленький поселок, где жили казаки, туркмены и казахи.

Нам пришлось там переночевать в избушке одной русской семьи. Я всю ночь проворочалась от комаров, которые просто меня съели! А когда ехали в Красноводск, то казах – погонщик рассказал, что раньше комаров у них в ауле совсем не было! – рассказывала бабушка, помолодев сразу лет на тридцать.

– Откуда же взялись комары и в таком количестве? – недоверчиво спросил врач, с обожанием смотря на бабушку.

– Русские привезли, – рассказал казах, который вел наших верблюдов в Красноводск! – выдала бабушка, победоносно смотря вокруг.

Появился дедушка и, тенью проскользнув по веранде, исчез в глубине дома.

– Не может такого быть! Вы предвзято относитесь к русским! – моментально оглядываясь по сторонам, заявил врач.

«Все-таки глубоко к нам в подсознание въелся страх! Дядя Ёсик^[47] надолго подрезал язычки старшему поколению! Там и тридцать седьмой год^[48] и послевоенные чистки^[49], да только при Хрущевской оттепели^[50] немного стало полегче, но все равно языком трепать особо не рекомендовалось!

Сколько лет живу с бабушкой в одном доме, и не только знал, но и не предполагал, что она была в

Туркмении! Старшее поколение умеет держать язык зубами! И не только в Красноводске, но и в Бекдаше! Надо будет съездить туда, тем более, что возможности свалить из города есть! Гайрат предлагал поехать с ревизией в Ашхабад, а там же недалеко и Каспийское море, где стоит Бекдаш и Красноводск! На берегу можно спокойно заняться написанием диссертаций и поплавать под водой! Аборигены с удовольствием предоставят мне место для проживания и транспорт!» – решил про себя Борис, на секунду отвлекаясь от разговора.

Тем временем, появился дедушка с ляганом, на котором была нарезана колбаса, сыр, холодное мясо и три лепешки.

– Это не мои слова, а казаха! – гордо вскинула голову бабушка, в тоне которой послышались металлические нотки преподавателя при разговоре с учеником.

– Вы меня не так поняли, Гения Львовна! Я ни в коем случае не подвергаю сомнению ваши слова! Но согласитесь, они звучат очень странно! – замотал головой Моисей Израилевич, сейчас больше похожий на провинившегося ученика, чем на преуспевающего врача от одного взгляда которого трепетало все отделение.

– Я живу уже больше семидесяти лет в Узбекистане и до сих никто меня не «гнобил», как говорят современные молодые люди, за то, что я еврейка! Хотя я бывала и у красных и у белых и у откровенно бандитов и даже в Бухаре, когда там правил Мухаммед^[51]! – гордо заявила бабушка, отпивая микроскопический глоток коньяка.

– Вернемся к русским, которые завезли комаров в Бекдаш! – напомнил врач, иронически улыбаясь.

– Когда в Бекдаше появились первые казаки, то они начали строить деревянные дома, как привыкли у себя дома. Были с севера привезены могучие деревья вместе с корнями, на которых сохранилась сибирская земля вместе с личинками комаров^[52], которые прекрасно прижились на туркменской земле! – воскликнула бабушка, счастливо улыбаясь своим воспоминаниям.

– Такого не бывает, потому что не может быть! – громко сказал отец, водружая на стол большой круг, завязанный белой материей.

– Ты не прав, Витя! – одернула бабушка, строго посмотрев на отца.

– Давайте есть плов! – предложил отец, подмигнув правым глазом Борису, развязывая белую материю, под которым обнаружился большой ляган, на котором аккуратной горкой высился янтарный плов, перемешанный с крупным нутом^[53], весь закрытый кружочками казы^[54].

– Свадебный плов^[55]! Ты сам женился? – усмехнулся Моисей Израилевич, плотоядно облизываясь.

– У меня мастер выдает дочку замуж, вот и принес мне подарок, – пояснил отец, укоризненно посмотрев на врача.

– Твоя мама рассказывает такие интересные вещи, который даже я, который объездил всю республику, не знал! – пояснил Моисей Израилевич, наливая отцу рюмку коньяка.

Глава третья

Продолжение рассказа бабушки. Откуда взялись сокровища семьи Шварцманов.

– Плохо ли хорошо, доехали мы за неделю до Красноводска, а тут новая напасть! В город приехал со своей свитой сам эмир Бухарский Мухаммед, и опять на три дня пришлось задержаться.

Но я не очень расстроилась. Мы ездили на море купаться, ходили по городу и познакомились со стрелочником, который тащил три тома Брема, которые пришли у нему по подписке!

Представляете: стрелочник, который читает Брема! Ну очень плохо и бедно жили простые рабочие при царе! – усмехнувшись, рассказывала бабушка, всплескивая руками.

– Дедушка договорился с этим интеллигентным стрелочником и он нам достал три билета в первый класс до Ташкента! – восторженно вспомнила бабушка, с обожанием смотря на своего мужа.

– Расскажи о гербе Красноводска! – попросил дедушка, пристраиваясь рядом со своей спутницей жизни.

– На гербе Красноводска, тогда был изображен Красноводский залив с кораблем, причалами. Сзади, были нарисованы горы, внизу которых море с кораблями. По пляжу бредут четыре верблюда, которых возглавляет погонщик в туркменской папахе, а напротив животных шли вагоны, с паровозом, из трубы которого вился дым.

В левом переднем углу герба плыл осетр, а венчала герб корона!

На этом гербе была прорисована вся жизнь Красноводска, которая не изменилась и сегодня! Ничего нового не придумали люди за столько лет! – смеясь рассказывала бабушка.

– А по бокам герба были нарисованы два растения, сильно смахивающие на коноплю! – добавил, усмехаясь, дедушка.

– Так вы вдвоем из Питера в Ташкент ехали! – догадался Борис, смотря на дедушку восторженными глазами.

– Мы ехали втроем: я, бабушка, и ее подруга Мария Степанова, которую искала вся полиция Питера.

Мы должны были довести Марию до Ашхабада, а там ее обязаны были встретить местные подпольщики и перевести через границу.

– И что дальше было? – с загоревшимися глазами спросил Моисей Израилевич.

– Погуляли до обеда по городу, посмотрели вокзал, церковь, базар, а потом уехали на Авазу и там два дня отдыхали и купались. Вот было счастливое время! – мечтательно сказала бабушка, счастливо улыбаясь.

– Вода, как парное молоко! Я, две самые красивые девушки и туркмен, который готовит на очаге, сложенном из камней еду.

– Надо было в городе погулять, сходить в ресторан, на танцы. Вы же молодые были! – внес новое предложение Моисей Израилевич, в молодости, видимо, большой ходок ^[56].

– Какие рестораны, танцы? В городе единственный цивильный дом – начальника уезда! – махнул рукой дедушка, показывая полную никчемность городка Красноводск в одна тысяча девятьсот пятнадцатом году от рождества Христа.

– Там на базаре я впервые увидела дервишей, весьма экзотичные личности! Мне очень понравился городской сад. Вечером там обязательно играл духовой оркестр, и танцевали люди! Так что товарищ доктор прав! Можно было бы сходить на танцы, но Машенька, у которой были документы жены Копола, не очень хотелось появляться на людях. Вернее, было совсем

не желательно, так как ее искала не только полиция, но и жандармы, которые работать могли и любили! Но хватит о грустном!

Хотите, я расскажу об остановке в Бахардене? – неожиданно предложила порозовевшая бабушка, отводя глаза в сторону.

«Какая-то кошка семьдесят лет назад пробежала между бабушкой и дедушкой! Интересно, в каком году они поженились?» – отметил Борис, задавая себе риторический вопрос, который не очень удобно было сейчас задавать вслух.

– В составе было два вагона первого класса, в котором нам досталось два шикарных, даже по сегодняшним меркам купе, – только начал рассказывать перехвативший инициативу дедушка, как бабушка кинула на своего супруга злой взгляд и отвернулась к окну.

Всегда спокойный дедушка, приняв немного на грудь, тем временем продолжал рассказ, делая вид что не заметил предостерегающего взгляда бабушки.

– Вагон был синего цвета, а в купе, кроме персонального туалета и умывальника, у нас была ванна!

– Не может быть! – не поверил Борис.

– Зато в вагоне эмира был большой салон, где так душевно пел газели иранский певец! – отомстила бабушка своему супругу, для наглядности высунув язык.

Это было так неожиданно для вечно чопорной бабушки, что Борис невольно поперхнулся пловом, но широко раскрыл глаза, удивляясь метаморфозе произошедшей с бабушкой.

– Зато я сходил в вагон-церковь ^[57] который прицепили в Кизил-Арвате ^[58] – не остался в долгу дедушка.

– Тебе обязательно надо было покаяться! Грехи надо было срочно замаливать! – не преминула подпустить шпильку бабушка, лихо опрокидывая свою микроскопическую рюмку коньяка.

«Веселая у вас поездка была! Но ведь Мария – революционерка по документам – жена дедушки! И они ночевали в одном купе! Вот почему бабушка так бесится! Теперь ясна бабушкина язвительность!» – понял Борис, с интересом смотря на хитро улыбавшегося дедушку.

– Это ты же уговорила Игланова ^[59] остановиться в Бахардене ^[60]! – не остался в долгу дедушка.

– У человека была чесотка, и мне удалось ее вылечить! – гордо ответила бабушка.

– Озеро действительно чудесное! Я признателен моей жене, которая организовала туда поездку!

Наши два вагона отцепили, и мы прямо со станции поехали к озеру, которое находилось в восемнадцати верстах.

По преданию, давным – давно в одном туркменском ауле жили двое влюбленных, которые страстно любили друг друга. Парень был из бедной семьи, а девушка из очень богатой. Родители девушки никак не хотели выдавать замуж свою дочь за бедного парня. И тогда влюбленные решили бежать. Весь аул бросился в погоню, но только десять самых злобных односельчан смогли бежать по пустыне, где немилосердно палило солнце и дул сильный ветер. Влюбленные добежали до гор и увидели, что погоня совсем близко.

Парень и девушка подняли руки вверх и попросили Аллаха спасти их от неминуемой смерти.

Гора раскрылась и прямо на глазах преследователей парень с девушкой скрылись внутри скал.

Когда преследователи подбежали к краю провала, им в лицо ударил столб душного воздуха, и они упали замертво.

– Красивая легенда! Надо будет съездить искупаться в озеро! Главный врач Ашхабадской больницы давно приглашал приехать! – протянул Моисей Израилевич, вопросительно посмотрев на бабушку, предлагая продолжить рассказ.

– Машенька сказала, что у нее голова болит, и решила остаться, а своему мужу, то есть Кополу разрешила поехать на озеро. Когда мы следующим вечером приехали к вагону, Машеньки в нем не было.

Начали искать, поднялся страшный шум, но Машенька исчезла, как будто испарилась.

Проводник сказал, что он думал, что Маша уехала с нами, и поэтому не беспокоился.

А Копол сделал несчастное лицо и только разводил руками, вытирая скупую мужскую слезу.

Правда второй проводник якобы видел, девушку в белом платье с высоким туркменом в папахе, и все вопросы были уже только к нему.

– Так что случилось с Машей? – спросил до сих пор молчавший отец, с интересом смотря на дедушку, который открывался ему с новой стороны.

В Ашхабаде, на станции, Копол подал заявление в полицию, и мы поехали дальше.

Все видели, что когда мы уезжали из вагона в Бахарден, Маша оставалась в вагоне.

– Пока вы собирали вещи, усаживались в повозки, Маша с моей помощью вылезла из окна и спустилась по веревочной лестнице на землю.

Там ее ждала крытая арба, куда она и заскочила.

Кто будет обращать внимание на арбу с местным жителем, из которой торчат мешки? – лукаво улыбаясь, пояснил дедушка секрет исчезновения своей первой жены и отхлебнув глоток коньяка, как ни в чем не бывало, продолжил:

– В тридцать пятом году Маша приезжала в Ташкент и помогла мне стать главным конструктором завода. Хватило одного ее звонка! – чему-то усмехнулся дедушка.

– Ты мне никогда не рассказывал о том, что еще раз виделся с Машей! – на высоких тонах заметила бабушка.

– Ты в это время была в Москве на курсах повышения квалификации, а когда ты приехала, рассказывать не имело смысла! – с совершенно невинным видом развел руками дедушка.

– Чем вы вылечили чесотку аборигена? – задал совершенно безобидный вопрос Моисей Израилевич, стараясь разрядить напряженную обстановку за столом.

– Тут надо вернуться к нашему путешествию из Красноводска, – снова взяла беседу в свои руки бабушка и отхлебнув глоток чая, моментально продолжила, бросив на дедушку злой взгляд:

– Буквально через два часа после отправления из Красноводска, ко мне подошел проводник и предложил посмотреть на пассажира, который все время чешется.

Откуда он узнал, что я врач, я как-то не успела спросить. Пока мы шли по коридору, проводник намекнул, что он мог бы скрасить мое одиночество или посадить ко мне еще одного пассажира для развлечений во время поездки.

– Я всегда говорил, что у тебя легкомысленный вид! И это замечали даже проводники семьдесят лет назад! – торжественно объявил дедушка, но тут же поперхнулся, поймав яростный взгляд бабушки.

– В точно таком же купе, как и у меня, лежал толстый мужчина в одной рубашке и штанах, явно азиатской внешности, а напротив него сидел тоже азиат в черном халате с мелкими стежками^[61].

Второй азиат был более темный и с какими-то более острыми чертами на лице. Это сейчас я запросто отличаю узбека от таджика, казаха от киргиза, а тогда они все были для меня на одно лицо! Но этот точно отличался от всех остальных! Глаза у него были большие и навывкате! И подпоясан он был простой веревкой, а на голове у него была квадратная тюрбетейка! В то время, как все азиаты были подпоясаны платками или даже ремнями! И самое главное запах!

Если от Игланова пахло мужским потом, то от странного мужчины очень остро и неприятно пахло чем-то совершенно непонятным. Запах я до сих пор помню, но не могу дать ему название. Из стакана в серебряном подстаканнике странный азиат пил зеленый напиток.

Я выгнала второго мужчину из купе, открыла окно, немного проветрила помещение и начала осматривать больного.

Практически сразу диагностировала запущенную чесотку.

Игланов, вполне прилично говорил по-русски и попросил полечить его. Первым делом я заставила его полностью раздеться, обмыла все тело в ванной, а потом протерла его водкой, которая оказалась в багаже у купца. Переодевшись во все чистое, Игланов почувствовал себя легче и попросил назначить лечение, так как местные табибы^[62] не могли ничем помочь.

– Я в поезде могу только попробовать старый метод, который рассказывали мои учителя! – процитировала себя бабушка, делая многозначительную паузу.

Соответственно Игланов взмолился, обещая луну с неба, солнечные лучи оптом и в розницу и озолотить меня с ног до головы.

Я вышла и попросила принести проводника бутылку старого отработанного масла.

– Почему именно старого масла? – тут же заинтересовался Моисей Израилевич.

– Почему, не знаю. Но моя подруга – ветеринарный врач, лечила собаку любовницы Великого Князя именно отработанным машинным маслом! Можно лечить чесотку и лизолом^[63], но это очень больно.

Применяются для лечения чесотки сероводородные ванны, что и было с успехом проведено в Бахардене! – гордо объявила бабушка, довольная вниманием, которое к ней оказывали.

– Значит это тебя надо благодарить за поездку в Бахарден! – хлопнул себя по лбу дедушка и засмеялся.

– Вы, бабушка, рассказывали о странном запахе от второго азиата! Откуда такой резкий запах в купе? – напомнил Борис, которому совсем было не интересно слушать медицинские разговоры.

– Оказывается в одном купе с Иглановым ехал богатый индус – ростовщик из Бухары.

Индус пил свой особый напиток сабзооб^[64].

Как объяснил Игланов, напиток представляет собой слабый наркотический напиток из листьев растения, напоминающую коноплю, которые сначала мочили, затем толкли в ступе. Сок процеживали через тряпку, сливали в металлический сосуд и пили. Индуса звали Байарджи. В Бухаре я с ним встретила и лечила его жену. Индус неплохо говорил по-английски, и я видела у него в доме много индийских книг, как рукописных, так и печатных. Байарджи продавал драгоценные камни, которые ему присылали из Индии. Он снабжал камнями ювелиров, которые делали из них украшения.

Все драгоценные камни, которые продавались в Бухаре проходили через его руки.

– Я не знал, что вы жили в Бухаре! – удивился отец, с интересом смотря на бабушку, которую понесло:

– Мы с Кополом прожили в Бухаре почти год. И должна вам сказать, что это не самое плохое место в мире, если есть работа. А работы там было полно, так как я была единственной женщиной дерматологом – венерологом на весь город! А Игланов сделал мне отличную рекламу не только среди бухарских евреев, но и других богатых людей! – продолжала рассказывать бабушка, и не думая останавливаться.

– Пора и честь знать! – поднялся из-за стола Моисей Израилевич.

– Сейчас я позвоню на работу. Придет машина и отвезет вас домой! – остановил врача отец, набирая на телефоне номер.

Глава четвертая

Второе продолжение рассказа бабушки. Откуда взялись сокровища семьи Шварцманов.

Едва за врачом захлопнулась дверь автомобиля, как Борис вернулся в дом и застал всю семью на веранде в полном составе.

Усевшись за стол, Борис первым делом спросил:

– Вы же ехали в Ташкент, а почему вы остановились в Бухаре?

– Обстановка в России в пятнадцатом году была очень сложная. Шла Первая Мировая Война, в которой участвовала Россия. А на Закавказской магистрали всегда было полно английских и немецких шпионов, которых ловили полиция, жандармы и контрразведка!

Да и провоз Маши через всю страну не мог остаться без внимания жандармов! Тем более ее «чудесное» исчезновение в Бахардене! Только присутствие высокопоставленных бухарских чиновников наших вагонов, останавливало жандармов от нашего немедленного ареста! Пришлось на ходу импровизировать и скрываться! Мне, по крайней мере, как мужу Маши, сулил, если не арест, но очень долгое следствие и обязательная высылка в Россию, охваченную войной! Это все нам объяснил Игналов и предложил немного пожить у него в доме в Бухаре! – темпераментно заявил дедушка, одним глотком выпивая рюмку коньяка.

– Откуда взялись евреи в Средней Азии? – спросил Борис, смотря на бабушку, которая скромно сидела за столом.

– Вопрос, конечно, интересный, но довольно длинный, – неожиданно начал рассказывать отец, поднимая голову.

– Папа! Расскажите, пожалуйста! В кои века собрались всей семьей! Дети спят, а завтра у нас выходной! – попросила Фира, появившаяся за столом.

– Жил в древности знаменитый персидский шах Йездегердт ^[65], который почему-то увлекся иудаизмом и настолько, что женился на дочери иудейского государя шаха Гуна —бар Натана ^[66], который был прямым потомком израильского царя Давида ^[67].

У царя родились три сына.

Старший сын Бахрам Пятый, занял после отца персидский престол и стал шахиншахом. Второй сын Нарсэ стал наместником провинции Хорасан, которая включала в себя города Самарканд, Мерв, Бухара, – тяжело вздохнул дедушка, и отпил глоток чая.

– Куда делся третий сын? – попробовала уточнить Фира, напряженно всматриваясь в дедушку.

– Не помню. Старый стал, голова не так соображает! – попытался уйти в сторону от вопроса дедушка, снова отпивая глоток чая.

– Вернемся к нашим азиатским родственникам! – пришел на помощь дедушке Борис, укоризненно смотря на свою жену.

– Термин – бухарские евреи, означает евреи города Бухары и бухарского эмирата. Но евреи жили не только в бухарском эмирате, но и в Кокандском и Хивинском ханствах. Самоназвание евреев было яхуди, что в переводе означает иудей и немного созвучно по названию. Часто евреев называю джугут, которое пошло со времен зороастрийских и Сасанидских империй. До присоединения Средней Азии к России часто употреблялся термин евреи – азиаты, для обозначения купцов – евреев из Средней Азии. После присоединения Средней Азии к России по отношению к евреям Кокандского Ханства применялся термин туземные евреи. В Кокандском ханстве евреев насильственно обращали в ислам, и они ассимилировали путем смешанных браков. В Коканде были очень сильные и богатые купцы с еврейскими корнями

такие как Мاستовы, Самандаровы, которые не растеряли свое богатство и при Советской власти, – тяжело вздохнул дедушка.

– В каких городах Средней Азии жили евреи? – спросила неугомонная Фира.

«Ей стоит задавать такие вопросы. Она ведь приехала из Белоруссии и местной специфики не знает!» – попытался найти оправдание настойчивости своей жены Борис, внимательно слушая рассказ, обычно молчаливого дедушки.

– В Узбекистане было довольно много еврейских махалля ^[68], которые были расположены в основном в крупных городах:

Ташкенте, Бухаре, Самарканде, Навои, Хатырчи, Шахрисабсе, Карши, Ката-Кургане, Андижане, Намангане, Фергане, Хиве, Ургенче.

Но были махалля и в других республиках:

Туркмении – Ашхабад, Мары, Чарджоу, Байрам – Али, Керки.

В Казахстане: Чимкент, Джамбул, по старому Тараз, Казалинск.

В Таджикистане: Душанбе, Худжанд.

В Киргизии: Бешпек, Ош.

– Извини папа! – вмешался отец Бориса.

– Вы так молодежи совсем голову задурите! Евреи селились в Средней Азии намного раньше! Они попадали с Азию сначала как рабы, а потом организовывались в общины!

Особо надо вспомнить вавилонского царя Навуходоносора Второго, который захватил Иудею и вывез часть населения в Вавилонию! И в 539 году до нашей эры произошло завоевание Нововавилонского царства персидским царем Киром Вторым Великим, который и освободил евреев – иудян (*так тогда называли евреев*) и издал декрет об освобождении евреев – иудян из плена и позволения вернуться из плена в Иудею.

Не все евреи вернулись в Иудею, а многие остались в Вавилонии, да и немало иудян завербовались в персидскую армию, так как после окончания действительной службы ветераны получали приличные земельные наделы и пенсию, на которую семья могла безбедно существовать.

Уже через сто лет после правления Кира Второго Великого при персидском царе Артаксерксе Первом ^[69] евреи имеют организованные общины по всем сатрапиям, то есть областям персидской державы!

Вторая волна евреев – переселенцев прибыла в Среднюю Азию в правление Артаксеркса Первого..

Тогда же евреи наладили торговые и общественные отношения между общинами, которые существовали и развивались почти четырнадцать веков! – поднял вверх указательный палец отец.

Мама тотчас налила отцу чая.

Отпив пару глотков из пиалы, отец благодарно кивнул и продолжил рассказ:

– В начале четырнадцатого века в Среднюю Азию с севера под руководством Мухаммеда Шейбани вторглись кочевые узбеки и основали Государство Шейбанидов, из которого возникло Бухарское ханство и в Хорезме Хивинское ханство. Одновременно с этими событиями в Персии к власти пришли Сефевиды, которые начали переделывать Азию! Они организовали Сефевидское государство. Кочевые узбеки были суннитами ^[70], а Сефевиды – шиитами ^[71]!

И контакты между евреями Персии и Средней Азии ослабли! Единая община евреев, которая просуществовала десять веков, распалась на общины персидских евреев и бухаро-афганских евреев! Бухаро-афганская община в связи с образованием Дуранийской империи ^[72] распалась на афганских и бухарских евреев.

Теперь перейдем ближе к нашему времени!

В тысяча семьсот сороковом году Бухарское и Хивинские ханства, без Кокандского ханства, перешли под контроль Ирана, который тогда возглавлял Надир – шах.

Когда только Надир – Шах пришел к власти, то он очень плохо, если не сказать больше, относился к евреям. В угоду шаху приближенные даже устроили погром хамаданских евреев, но потом Надир – Шах резко переменялся, практически стал другим человеком, и стал покровительствовать евреям.

– Почему это произошло? Просто так ничего не бывает! То был врагом евреев, то стал другом! – темпераментно воскликнула Фира, смотря на рассказчика горящими глазами.

«Надо изучать историю еврейского народа! Дедушка и отец – вон сколько знают, а я в этом плане на уровне ЦПШ^[73]!

Надо подождать пока все разойдутся и рассказать бабушке о предложении КГБшника! Бабушка обязательно даст умный совет!» – сам себя укорил себя Борис и одновременно дав себе зарок обязательно поговорить с бабушкой сегодня же, несмотря на позднее время.

Взяв литровый чайник, Борис пошел на кухню и, заварив свежий чай, принес обратно, аккуратно поставив в центр стола.

– Давайте еще коньячку выпьем! – предложил отец, разливая коньяк по рюмкам.

Все выпили, но Фира, устала на отца с немой просьбой. Отец, усмехнувшись, снова начал рассказывать:

– В тысяча семьсот сорок первом году, Надир – Шах воевал в Азербайджане и овладел Кубой^[74], где еврейская часть города отделялась от мусульманской рекой и представляла как бы отдельный самостоятельный город.

Во время богослужения, Надир – шах вошел в самую большую синагогу горда, с обнаженным коротким мечом и, с угрожающим видом приблизился к кафедре, требуя от читающего Сефер-тору^[75] отречься от Иудейской религии и принять ислам.

Раввин гордо отказался, предпочитая смерть принятию ислама.

Тогда Надир – шах поднял свой меч и ударил раввина, который в этот момент машинально поднял Тору над своей головой.

Меч Надир – Шаха наполовину разрубил свиток и серебряный футляр, в котором хранилась Тора, и застрял в нем!

Надир-Шах, видя такое чудо, стал умолять раввина простить его и прочесть прощальную молитву за него! То есть за то, что он посмел поднять руку на священное Писание Пророка.

Надир-шах угрожал сжечь не только еврейскую общину, но и весь город, если раввин откажется выполнить его просьбу.

Но раввин наотрез отказался!

Но и не только отказался, но и сам обрушался на шаха со словами: «Кайся, несчастный! Кайся, злодей!» – кричал раввин, размахивая руками.

«Ты надругался над пророком, осквернил Божий дом и хочешь получить от меня прощение! Не бывать этому! Кайся! Иначе не будет у тебя удачи ни в бою и ни в счастье!»

Надир-шах задрожал от страха, хотя был очень смелым человеком, порвал на себе одежду, упал на колени перед раввином и снова попросил прощения.

Раввин прочитал что-то на иврите, видимо проклиная шаха, и сказал тирану, что Моше-Пророк простит его, если шах прекратит издеваться над евреями.

По приказу Надир – Шаха немедленно прекратились преследование евреев, и было возвращено все награбленное имущество. Надир – Шах сразу же покинул еврейскую часть города, не убив ни одного еврея! Так Тора стала настоящим щитом для маленькой еврейской общины города Кубы!

И Надир-шах сильно изменился и стал относиться к евреям весьма благосклонно! – возвестил отец, отпивая глоток чая.

– Что же сделал хорошего шах для евреев? – попробовала уточнить Фира, скептически улыбаясь.

– Ты зря улыбаешься, девочка! В тысяча семьсот сорок третьем году Надир-Шах перенес столицу в город Мешхед и переселил туда не только большое количество евреев, но и трудоустроил их! И самое главное: назначил евреев управлять своей казной! И не прогадал! В казне у шаха стал полный порядок и деньги потекли в нее рекой!

До этого времени в Мешхеде не было еврейской общины, так как там находился Мавзолей Имама Резы и евреям вход в город был запрещен.

Буквально через год, пользуясь покровительством Надир – Шаха, евреи превратили Мешхед в крупный центр международной торговли.

Община Мешхеда привлекла евреев с других городов Ирана, и тогда в город потянулись переселенцы, одновременно заселяя Бухару и Самарканд, – снова отпил чая отец, утомленно замолчав.

Бабушка кашлянула, призывая к вниманию и начала рассказывать:

– Когда я только попала в Среднюю Азию, то поняла, что евреи, как, впрочем, и русские, считаются неверными – кяфирами и должны были жить отдельно от мусульман.

В Марах, по старому, в Мерве, был район, который так и назывался Гяур-кули, где жили все иноверцы.

А вот в Бухаре евреям было немного легче жить. Еще в шестнадцатом веке евреям в Бухаре была выделена обособленная территория, которая называлась Махалляи Кухна ^[76], в то время как мусульманские кварталы назывались «Гузарами», а кварталы, в которых жили евреи так и назывались махалля.

Разница заключается в том, что квартал – составная часть города, а слобода, то есть по-узбекски, махалля, подчеркивает ее автономность, изолированность от остального города. То есть это городок, в городе, своего рода микрорайон со своим укладом, своей жизнью. А вот Самарканд в начале восемнадцатого века сильно обезлюдел. С занятием Надир – Шахом Самарканда в город начали стекаться большое количество лезгин, турок, афганцев, иранцев, которые были в составе разноплеменного войска шаха. А так как евреи пользовались благосклонностью Надир – Шаха, то и очень большое количество евреев стало приезжать в города Средней Азии. Если в Бухаре евреи селились компактно, то в Самарканде такого расселения на первых порах не было. Евреи селились в самаркандских гузарах Шох Каш, Чар-рага, Новадон и Кош-хауз. И это несмотря на запреты селиться евреям в мусульманских гузарах! – темпераментно рассказывала бабушка, демонстрируя не только великолепную память, но и живость изложения.

– В Самарканде даже действовала до тысяча восемьсот восьмидесятого года синагога в гузаре Кош-Хауз! – вставая, выдал отец.

Вся семья, кроме бабушки и Бориса дружно поднялись, и ушли в дом.

Проводив взглядом спину отца, который последним ушел с веранды, Борис придвинувшись ближе к бабушке, негромко сказал:

– Сегодня меня вызывали в КГБ и приказали вернуть вещь, которая есть у нашей семьи! – без оковичностей заявил Борис, смотря на бабушку.

– Прошло почти шестьдесят лет, и разговор снова зашел об этой вещи, которая хранится в нашей семье уже больше пятисот лет! – покачала головой бабушка, вставая со своего места.

– Тебя проводить? – спросил Борис.

– Сиди здесь и жди! Завари лучше свежий чай! – жестко заявила бабушка, быстро идя в свою комнату.

Борис только успел поставить на стол чайник с горячим чаем, как вернулась бабушка и положила на стол темный кожаный мешочек. Развязав тесемки, бабушка высыпала на стол четыре черных металлических кружка.

– Что это такое? – удивился Борис, беря один тяжелый кружок, размером с пятикопеечную монету.

Внутри кружка были выдавлено изображение головы мужика с каким-то странным шлемом на голове. На втором кружке была изображена колонна с двумя фигурами по бокам.

Борис поднял голову и внимательно посмотрел на бабушку.

– Если я правильно понял, то передо мной старинные печати. И за этим охотится КГБшник?

– удивился Борис, аккуратно складывая печати в мешочек.

– Это не просто печати, а подлинные пресс-формы для изготовления старинных монет, которым больше двух с половиной тысяч лет. Стоит только подобрать старое золото и можно печатать эти монеты в любом количестве, говоря, что ты нашел старинный клад! И ни одна экспертиза в мире не докажет, что эти монеты не подлинные! – торжественно заявила бабушка.

– Сколько же может стоить такая монета? – заинтересованно спросил Борис.

– Бухарские евреи говорили: «Еврей должен иметь что-то маленькое, чтобы можно было взять и унести с собой! И это что-то должно обеспечить его на всю жизнь! – торжественно сказала бабушка, забирая мешочек с собой.

Глава пятая

Неожиданная командировка. Путь до аэропорта отнюдь не усыпан розами.

Встав в четыре часа утра, Борис сделал зарядку, плотно позавтракал и взяв из сумки, описание лаптопа, которое было кем-то услужливо переведено на русский язык, сел на веранде, плотно занялся изучением нового оборудования.

Через сорок часов плотной работы с описанием и лаптопом, Борис довольно лихо стучал по клавишам, изредка кидая взгляд на черно-белый экран, на котором мгновенно появлялись яркие буквы.

«Все-таки я молодец! Не зря я столько времени проводил в институте на информатике! Да и время на нашем ВЦ^[77] потратил не зря на изучение программы Нортон^[78]!

Как это мне сейчас пригодилось!» – похвалил себя Борис, начиная вполне уверенно работать на лаптопе.

Лаптоп позволял уменьшать и увеличивать шрифт, сразу править текст, и самое главное: сразу делать сноски, выделяя их строчным или жирным цветом.

«Завтра с утра встану снова в четыре утра начну делать первую диссертацию! Первой надо делать диссертацию Зухре, раз она подкинула такую хорошую машинку! На лаптопе можно ведь целые куски текста с одного на другое место переносить! КГБшнику пойдет и подправленная копия! Подновить цифры, поставить другие числа, а обзор, литературу можно поставить одну и ту же на все три работы! Тем более что одна работа пойдет в Казахстан, а две другие в Узбекистан!» – решил Борис, закидывая руки за голову и радостно улыбаясь.

В понедельник Борис встал в четыре утра и сразу сел работать и уже к девяти тридцати написал сорок страниц первой диссертации, сразу начав с основной части.

– Борис! Тебя к телефону! – озадаченно сказала бабушка, протягивая телефонную трубку.

– Шварцман слушает! – отозвался Борис, крутя головой вправо и влево.

– Вам через полтора часа надо быть в аэропорту. Вы вылетаете в Нукус для проверки Кунградского вагонного депо. Документы и командировочные вам привезут прямо в аэропорт! Посадка начинается за сорок минут до вылета! – сказала секретарь управляющего Лилечка Глухарева.

– Лилечка! Ты можешь объяснить, в чем дело? К чему такая срочность, что меня прямо из дома выдергивают?

– Приказ сверху командировать двадцать самых опытных экономистов для проверки железной дороги! – скороговоркой выпалила секретарь и быстро повесила трубку.

«Не было забот у бабки: купила бабка порося!

Хотя в Кунграде спокойно можно поработать над диссертацией! Аборигены обеспечат нормальные условия жизни, где можно спокойно работать. Проведу проверку по быстрому, съезжу в Муйнак, может и на Устюрт смогаюсь!» – решил Борис, быстро собирая сумку.

Кинув лаптоп внутрь сумки, две толстые папки с документами по диссертациям, сунул паспорт, во внутренний карман легкой куртки, Борис вышел с веранды, прикидывая про себя, что если закинуть эти тяжеленные папки внутрь американского прибора, то не придется таскать такую тяжесть, а просто оставить бумаги в Кунграде.

«Можно посадить секретаршу за лаптоп и она быстро вобьет все эти данные внутрь! И тогда останется только дергать куски текста в диссертации и немного их переделывать! Работа ускорится в десятки раз!» – прикинул Борис, радостно улыбаясь.

Бабушка, прижав веник к груди, внимательно смотрела на столбом стоящего правнука.

– С тобой все в порядке, Боренька? – спросила бабушка, по своей давнишней привычке, подметая по утрам двор.

– Доброе утро, бабушка! – еще шире улыбаясь, поздоровался Борис.

– Ты какой-то странный стал после пятничного разговора, Боренька! Все время сидишь за своей электронной машинкой, а сейчас куда-то собрался и стоишь посередине двора и глупо улыбаешься! Что у тебя случилось? – обозвала лаптоп очень подходящим словом подкованная бабушка.

– Да сейчас придумал решение очень сложной задачи, над которой бился много времени! Поэтому я смеюсь и радуюсь! – снова улыбаясь, выпалил Борис, обнимая бабушку свободной левой рукой.

– А я думала, что ты от пятничного разговора с КГБшником никак отойти не можешь! – покачала головой бабушка, подозрительно смотря на Бориса.

– Из чего сделаны печати? – неожиданно для себя, спросил Борис, прикидывая, что если удастся изготовить копии печатей, то вполне реально подсунуть КГБшнику копии, а не оригиналы.

– У меня записано, сейчас сбегая, посмотрю! – пообещала бабушка, рванув с места, с живостью хорошего спринтера.

«Надо торопиться! До отправления самолета осталось всего полтора часа!» – напомнил себе Борис, перебирая ногами, как застоявшийся жеребец.

Бабушка не заставила себя долго ждать и через минуту вернулась, неся в руках две фотографии.

Перевернув фото обратной стороной, бабушка приблизила лицо к ним и с сожалением сказала:

– Не могу прочесть название! Совсем старая стала! Глаза плохо видят!

– Давайте бабушка фотографии, я сам посмотрю! У меня глаза молодые и пока хорошо видят! – предложил Борис, забирая у бабушки два фото с четкими изображениями печатей, на обороте которых были написаны две карандашные строчки.

Ничего видно не было.

– Можно я с собой заберу фотографии и на досуге посмотрю? – предложил Борис, понимая, что время катастрофически уходит, и если он сейчас не поймает такси, то обязательно опоздает на самолет. А ведь еще надо было получить проездные документы и билеты!

– Конечно, Боренька! Ты куда едешь? – спросила бабушка, поднимая голову.

– В Кунград! Только не знаю на сколько дней! – на бегу бросил Борис, вылетая из двора.

Перебежав улицу, Борис поднял правую руку, но ни одна легковая машина и не думала останавливаться.

«Поеду хоть на грузовике!» – решил Борис, теперь уже совсем не опуская руку, с ненавистью смотря вслед проносившимся автомобилям.

Из-за огромного Супер МАЗа, который пер по середине дороги, выскочила ярко блестящая черная Волга с двумя антеннами спереди и сзади и ловко подрезав нахала, для чего ей пришлось выехать на встречную полосу, помчалась по середине дороге, наплевав на все правила дорожного движения.

«На такой машине я бы за десять, ну максимум за пятнадцать минут долетел до аэропорта!» – помечтал Борис, провожая взглядом внезапно вспыхнувшие стоп-сигналы черной Волги.

Замигал правый поворотник, и черная Волга снова наплевав на ПДД^[79] рванула вправо, бесцеремонно подрезая весь транспортный поток.

Перестроившись в крайний правый ряд Волга поехала назад, оглашая окрестности громкими переливчатым сигналом нестандартного клаксона.

Доехав до Бориса, так и продолжавшего стоять с поднятой рукой, Волга остановилась.

– Вам куда, молодой человек? – спросил знакомый голос и задняя дверь шикарного автомобиля открылась.

– Опаздываю в аэропорт! – быстро ответил Борис, делая шаг вперед.

– Нам тоже туда! Так что садитесь! – предложил

Умаров, махнув рукой с заднего сиденья.

Углядев, что переднее, пассажирское место, свободно, Борис кинул на него свою сумку и нырнул внутрь автомобиля, игнорируя презрительную усмешку водителя.

Едва только дверь за Борисом захлопнулась, как Волга рванула с места, с пронзительным визгом шин.

«Как в американском боевике водила рванул!» – оценил технику вождения автомобиля Борис, вытягивая вперед ноги.

Повернувшись влево, Борис узрел Умарова, сидевшего на заднем сиденье с пиалой в руках.

– Доброе утро, Фарид Сагиевич! – церемонно поздоровался Борис, кидая взгляд на спидометр, который показывал сто десять километров в час.

– Чой чомиз ^[80]? – спросил Умаров, вопросительно посмотрев на своего пассажира.

Умаров был одет в свой неизменный белый костюм, на левой стороне которого блестела золотая звезда героя Социалистического Труда, а на лацкане, значок депутата Верховного Совета ^[81].

– С большим удовольствием товарищ академик! – церемонно наклонил голову Борис, с любопытством смотря на своего соседа, заодно вспомнив, что заработавшись с утра, он так и не позавтракал.

Из бокового кармана своей дверцы Умаров вынул еще одну пиалу, протер ее чистой салфеткой и церемонно протянул Борису, который, взяв ее, продолжал сидеть с протянутой рукой.

Тем временем, Умаров, из соседнего кармана вынул литровый термос и аккуратно открыв металлическую крышку, вынул пробку и налил половину пиалы зеленого чая.

– Катта рахмат ^[82]! – церемонно поблагодарил Борис, отпивая первый за сегодняшний день глоток чая.

– Убекча биласан ми ^[83]? – спросил Умаров, смотря с усмешкой на Бориса.

– Жуда ямон. Базарга гап ^[84], – разведя руками, ответил Борис. – Надо знать язык страны, где ты живешь! – наставительно сказал Умаров, снова наливая чай своему гостю.

– Как-то все времени не было! Учеба, спорт, снова учеба, потом семья, дети, – развел руками Борис, показывая, что все понимает, но сделать ничего не может из-за отсутствия времени.

– Каким видом спорта занимался? – невзначай поинтересовался Умаров, снова наливая половину пиалы чая Борису.

– Боксом! – бросил Борис, начиная тяготиться разговором.

Резкое движение правой руки Умарова и Борис действуя на намертво вбитых, в полном смысле этого слова рефлексах, приподнял левое плечо и прижав подбородок к груди, качнулся назад.

– Чувствуется очень приличная школа! У кого тренировался? – сначала похвалил Умаров, а потом задал быстрый вопрос.

– У Баранова, – буркнул Борис, переводя взгляд вправо, за которым мелькали автомобили.

– Знаю такого. Ты в Кунград летишь? – последовал еще один вопрос Умарова, который холодно смотрел на Бориса.

Ответить Борис не успел, так как Волга остановилась на перекрестке. Умаров поднял вверх правую руку, приказывая замолчать.

– Перенеси сумку в багажник! – по-узбекски, приказал Умаров.

Водитель, обернувшись, снова бросил на Бориса ненавидящий взгляд, выскочил из машины, обежал ее со стороны капота и открыв переднюю пассажирскую дверь, схватил сумку, не обращая внимание на сигнализирующих водителей и рычащие моторы.

– Осторожнее, пожалуйста с моей сумкой! В ней стекло! – предупредил Борис, провожая взглядом водителя, который метнулся к багажнику автомобиля.

Открыв багажник, водитель поставил сумку внутрь и фланирующей походкой направился к своему месту.

– Осторожней надо! Это же сарт ^[85]! – предупредил Умаров, укоризненно покачав головой.

– Все мы люди – все человеки! – демократично ответил Борис, смотря, что все машины тронулись, а водитель Умарова, не торопясь идет к своей дверце.

– Так где ты тренировался? – с интересом, спросил Умаров, нетерпеливо постукав костяшками пальцев в стекло со своей стороны.

Водитель передернул плечами, но движения не ускорил.

– В Буревестнике ^[86] – буркнул Борис, которому совсем не хотелось сейчас говорить на боксерские темы.

Украдкой взглянув на часы, Борис отметил, что до вылета остался ровно час.

С противоположной стороны перекрестка начал движение милиционер, явно держа направление на стоящий автомобиль.

– Сын шакала! – выругался Умаров, смотря как водитель, направляется в сторону милиционера.

Мотнув головой, Умаров сунул пиалу и термос в руки Бориса, одним движением скользнул на водительское место.

Один поворот ключа, рычаг скоростей вперед, и рванувшись на желтый свет, Волга проскочила перекресток.

– Если нас остановят ГАИшники, то права точно заберут! – усмехаясь, нарисовал «радостную» перспективу Умаров, ловко ведя большую машину по запруженной автомобилями улице.

– Вас уже останавливали ГАИшники? – невзначай спросил Борис, смотря как Волга спускается с виадука.

– Я взял несколько дней назад Москвич своего младшего сына и поехал на базар, моя машина сломалась, а Зуфар куда-то укатил, так сходу зацепил Волгу каких-то молодых ментов, – пояснил Умаров, въезжая на круг перед зданием старого аэропорта ^[87].

– Притормозите здесь! – попросил Борис, увидев стоящую на ступеньках Лилечку – секретаршу с черной папкой в руках, которая вертела головой во все стороны.

– Зачем? Я провезу тебя прямо к трапу самолета!

Мне тоже на Кунградский рейс, – сначала спросил, а следом и пояснил Умаров, делая правый поворот.

– Мне надо забрать у девушки стоящей на ступеньках документы для командировки! – разъярился Борис, ерзая на своем сиденье.

Едва машина остановилась около ступенек, Борис моментально выскочил, и побежал к секретарю, держа в руках красную кожаную папку.

– Уже закончили не только посадку, но и регистрацию! Вечно ты Шварцман опаздываешь! Придется тебе писать объяснение на имя управляющего!

– Целую, солнышко! – крикнул Борис, бросаясь к автомобилю.

– Если что не так, в папке лежит бумага из «Народного контроля» республики ^[88]! – крикнула вслед секретарь.

Заскочив на пассажирское сиденье, Борис с облегчением перевел дух.

Если всемогущий Умаров не обманывал, то подъехав прямо к трапу они успеют улететь в Кунград.

– Не волнуйся парень! Все будет тип – топ! – применил молодежный сленг Умаров, плавно трогаясь с места.

Сунув правую руку в бардачок, Умаров достал оттуда небольшую картонку с красной полосой по диагонали, на которой было крупно написано: «Проезд везде» и прикрепил в правой верхней стороне ветрового стекла.

– Куда машину потом денете? – спросил Борис, смотря как уверенно Умаров едет вдоль забора, которым было огорожено летное поле.

– Сзади менты едут! Они заберут! – сморщился Умаров, подъезжая к воротам, которые при виде автомобиля стали медленно открываться.

Внимательно приглядевшись к Умарову, охранник только открыл рот, как водитель, оторвав правую руку от руля, сделал круговое движение, указательным пальцем.

Охранник понятливо мотнул головой и как только машина въехала на территорию аэропорта, принялся закрывать ворота, зачем-то махнул правой рукой.

От метровой будки, уже спешил еще один молодой охранник, на ходу что-то дожевывая.

Умаров остановил Волгу, поставил рычаг переключения скоростей в нейтральное положение и открыв дверь, вышел из машины.

Обойдя автомобиль, Умаров сам открыл заднюю дверь и усевшись на заднее сиденье, бросил:

– Возьмешь мой чемодан и отнесешь в самолет!

– Хоп, баджарамиз ^[89]! – согласился Борис, смотря как охранник усаживается на водительское сиденье.

«Как охранники в будке помещались вдвоем?» – удивился Борис, открывая папку, в которой лежали документы, переданные только что секретарем.

– В самолете посмотришь! – царственно распорядился Умаров, закрывая папку, одним движением правой руки.

– Должен же я посмотреть, какое у меня место! – попробовал возразить Борис.

– Твое место рядом со мной в первом ряду! – решил Умаров, снова наливая себе чая в пиалу.

«Вот так становятся наемным работником, типа раба!» – хмыкнул про себя Борис, но вслух, соответственно, ничего говорить не стал.

Волга за три минуты доехала до ЯК – сорокового, внизу которого стояла стюардесса в темно-синей форме с несколько нервной улыбкой на губах.

Едва машина остановилась, Борис выскочил из автомобиля и обежав ее со стороны капота, открыл заднюю дверцу, встав рядом по стойке «Смирно», успев оценить свое поведение:

«Из тебя неплохой лакей получился, товарищ кандидат наук!»

Умаров величаво вылез из автомобиля, забрал папку, которую Борис по-прежнему держал в левой рукой и величаво кивнул головой, показав глазами на багажник.

Борис моментально метнулся к багажнику автомобиля, открыл его и, достав шикарный кожаный чемодан коричневого цвета и свою сумку, кинул взгляд на Умарова, который неторопливо направился к трапу.

Борис захлопнул крышку багажника и бегом рванул следом.

Стюардесса шла сзади Умарова, держа перед собой поднятую правую руку, с раскрытой ладонью.

«Бойтся, что Умаров упадет спиной назад!» – понял Борис, поднимаясь по трапу в полутора метрах за стюардессой, не забывая любоваться стройными бедрами, на которых четко выделялись линии трусиков.

«Очень сексуальное зрелище! Не зря американцы называли такой вид ВЛТ ^[90]!

Они даже в шестидесятые годы знали толк в сексе! Но какую удобную штуку штатовцы придумали – лаптоп! И как я его быстро освоил!» – не преминул похвалить себя Борис, смотря как стюардесса, перешагивая порог, чуть наклонилась вперед. Бедра четче обозначились под туго натянутой юбкой. И против своей воли, Борис почувствовал желание, на что внутренний голос немедленно отреагировал:

«Завязывай сексуальные мечтания! Ты себя сильно возвеличиваешь! Забыл, что полтора года работал на ВЦ сначала управления дороги, а потом и Узбекбирляшу! Меньше гонору и больше работы! Помни, что ласковый теленок двух маток сосет! Думай лучше о работе, которая тебе предстоит, и не забудь о надписи на фотографиях, которые тебе дала бабушка!»

Тем временем, Борис перешагнул порог самолета и оказался внутри полностью заполненного салона.

Никто и не подумал проверять у них билеты.

И как только мужик в форме, захлопнул за ним дверь, двигатели запустились, показывая, что самолет ждал только их прибытия на борт.

Борис дотасил вещи до первого ряда кресел, где уже сидел Умаров, и его заботливо пристегивала стюардесса, низко наклонившись над привилегированным пассажиром.

Недолго думая, Борис сгрузил сумку и чемодан на свободное кресло и сев на соседнее с Умаровым место, вытянул вперед ноги.

«Почему, как только сядешь в самолет, так и тянет откинуть голову назад и немного поспать?» – риторически спросил сам себя Борис, закрывая глаза.

Глава шестая

*Воспоминания двух боксеров. Сидней Джексон – знаменитый американский боксер и история его жизни боксера.
Новое решение проблемы капитана КТБишника*

Самолет взревел двигателями и плавно дернувшись, начал выруливать на взлетную полосу.

В голове самолета было тише, чем в салоне.

«Теперь всегда буду летать только на этих местах!» – дал себе зарок Борис, погружаясь в дремоту.

– Я начинал заниматься боксом у Джексона ^[91] – гордо заявил Умаров, поворачиваясь в сторону Бориса. Сон у Бориса, моментально, как рукой сняло.

– Я видел Джексона всего пару раз. Один раз с мальчишками приходили во Дворец Пионеров ^[92] к нему записываться, а второй раз на городских соревнованиях

– моментально ответил Борис, всматриваясь в лицо Умарова.

Только сейчас Борис заметил шрамы на бровях, и сломанное левое ухо на физиономии своего собеседника.

– Расскажите о Джексоне! Очень мало осталось людей, которые помнят этого замечательного боксера и человека! – попросил Борис, прямо впиваясь в лицо Умарова.

– У Джексона было много воспитанников, которые потом составили цвет бокса Узбекистана, да и не только! Один только Карпов ^[93] чего стоит! – повысив голос, заявил Умаров.

– Про Карпова я слышал, а вот про Джексона мало что знаю. Я приходил к нему во Дворец Пионеров, у него там стоял ринг в летнем театре, – напомнил Борис, забывая обо всем на свете.

– У Джексона была тяжелая судьба. В шесть лет он остался сиротой.

Отец Джексона – Луи Джексон много лет работал на химическом заводе. Работал Луи трубоукладчиком – на очень опасной и вредной для здоровья работе, и очень быстро ушел из жизни, как тогда говорили: «сгорел» на работе.

Пришлось идти на тот же химический завод старшему брату Джексона Иллаю и сестре Рите.

В десять лет Сид Джексон начал заниматься боксом и буквально через три года принял участие в любительских матчах, где его буквально с первых боев заметили тренеры и организаторы матчей.

Три года Джексон работал разносчиком в швейном ателье, разнося клиентам заказы, а по вечерам занимался боксом, шлифуя свое мастерство.

Постепенно из любителя Джексон становился профессионалом. И к тысяча девятьсот двенадцатому году становится восходящей звездой американского бокса, которого пророчат не только в чемпионы Америки, но и в чемпионы мира.

И Сидней стал чемпионом Америки в среднем весе среди профессионалов! Представляешь, не любителей, а профессионалов! – темпераментно воскликнул Умаров, горящими глазами смотря на Бориса.

– Я в шестьдесят четвертом году приходил во Дворец Пионеров к Джексону на тренировку, и он мне совсем не показался сильным боксером! Маленький, седенький старикашка, но двигался быстро и резко, – вставил, наконец, слово Борис.

– Ему уже под восемьдесят лет было! Станешь тут резким и быстрым! – моментально откликнулся Умаров, осуждающе посмотрев на Бориса.

– Мне же всего четырнадцать лет было! В таком возрасте на всех стариков смотришь свысока! Кажется, что сам никогда таким старым не будешь! – попробовал найти объяснение своим неэтичным словам Борис.

– Потом Джексону предложили поехать в Англию и там выступить в боксерских матчах.

Выступления шли прекрасно, вот только в последнем бою Джексон получил очень сложный вывих большого пальца левой руки. Пришлось сначала лечиться, но полтора года Джексону нельзя было выходить на ринг, – рассказывал Умаров, прихлебывая свой неизменный чай, который ему принесла стюардесса, едва только самолет набрал высоту.

– Что дальше с Джексонем было? Как он попал в Россию? – спросил, затаив дыхание Борис.

– Чикагский представитель большой мясной фирмы, хотел узнать, можно ли продавать в СССР мясные консервы и для этого послал своего сына на разведку. Тот предложил Джексону место секретаря.

При подходе к Архангельскому порту русского, с которым они познакомились на борту судна, арестовали.

Из Мурманска они переехали в Петербург, но там дело не пошло, так как мясных консервов в России не требовалось.

А тут началась Первая Мировая война и Флайн бросил Джексона в Петербурге, оставив ему немного денег.

Так началась русская одиссея Сиднея Джексона.

На последние деньги Джексон приехал в Ташкент.

Встретили Джексона сначала очень хорошо, но когда деньги закончились, пришлось искать работу.

Наступил тысяча девятьсот семнадцатый год, когда произошла Великая Октябрьская Социалистическая Революция. В стране неразбериха и никому нет дела до американского боксера, пусть и очень знаменитого в Америке и Англии.

Джексон, как рабочий парень, примкнул к революции и скоро стал полноценным бойцом Красной Армии, воевал в Ашхабаде, Урсатьевской ^[94], Каракумах и Кызылкумах и наконец вернулся в Ташкент, где занялся тренерской работой, за которую в пятьдесят седьмом году получил Заслуженного тренера СССР! – вздохнул Умаров, снова отпив глоток чая.

– Я этого не знал! У Джексона интересная судьба! Лучше бы он вернулся в Америку! – не сдержался Борис, кинув испуганный взгляд на Умарова.

То ли член-корр ^[95] пропустил последнюю фразу Бориса мимо ушей, то ли задумался, но ни одного слова Умаров пока не сказал, уставясь в окно неподвижным взглядом, тем более, что по громкоговорящей связи самолета объявили:

– Наш самолет начал снижение! Через двадцать минут просьба пассажиров пристегнуть привязные ремни и не покидать свои места до полной остановки самолета.

Встряхнув головой, Умаров спросил:

– Зачем ты едешь в Кунград?

– Мне надо проверить вагонное депо Среднеазиатской железной дороги, – небрежно махнул правой рукой Борис, прикидывая как ему добираться до вагонного депо в незнакомом городе.

Умаров хмыкнул, но говорить ничего не стал, а внимательно посмотрел на Бориса.

– А вы зачем едете в Кунград? – спросил Борис, прикидывая сесть на хвост Умарову, которого наверняка будут встречать с такой же помпой, как и провожали.

– На плато Устюрт узбекские археологи нашли очень интересное небольшое городище, которое принадлежало к третьему – пятому веку до нашей эры. Как раз в то время правил персидский царь, который проводил войны не только в Персии, но и на территории Средней Азии. Есть много вопросов по этому городищу, которое находится в пещере. Совершенно нетипич-

ное городище не только для того времени, но и вообще к поселениям древних людей. Мои люди нашли несколько монет времен Йездигерда Первого, который привел первых евреев в Среднюю Азию! – с апломбом заявил Умаров, и в это время самолет коснулся посадочной полосы аэродрома.

– Я бы с удовольствием съездил на раскопки! – не понимая почему, ляпнул Борис, в голове которого мгновенно начали прокручиваться варианты нового хода своих действий:

«Если бы удалось найти пару монет времен Йездингера Первого, то вполне реально изготовить пресс-форму для их изготовления! Впарить эту форму КГБшнику вполне возможно! Отдать ему диссертацию и пресс-форму и можно ехать на землю обетованную! Очень интересное решение всех вопросов! Какой я все-таки умный и находчивый!»

– Я два дня пробуду в Кунграде, а потом решим! – не сказав ни да ни нет, ответил Умаров, отстегивая привязные ремни.

– Я помогу донести ваш чемодан до аэропорта! – предложил Борис, засовывая папку, которую он так и не открыл в свою сумку, которая лежала сверху чемодана Умарова.

– Меня встретит машина прямо у трапа самолета. Давайте я вас подброшу до вагонного депо? Так будет намного быстрее! – предложил Умаров, испытующе смотря на Бориса.

Самолет тем временем остановился и по громкоговорящей связи объявили:

– Товарищи пассажиры! Просьба всем оставаться на своих местах до выхода экипажа! К выходу вы будете приглашены!

«Объявление как нельзя кстати! Вон как пассажиры вскочили и рванули к выходу! – оценил ситуацию Борис, смотря на десяток людей, которые столпились в хвосте самолетов, обвешанные с ног до головы вещами.

– Всем сесть на свои места! Вы мне перевернете самолет! – рявкнул по громкоговорящей связи густой мужской голос.

Пяток пассажиров пошли обратно, но остальные продолжали стоять в проходе.

Стюардесса начала пробираться сквозь стоящих в хвосте пассажиров, не очень вежливо пихая мужиков, которые стояли в проходе.

Две женщины с детьми в длинных платьях, злобно что-то прошипели, показывая на стюардессу пальцами, унизанными золотыми кольцами с большими драгоценными камнями.

Засмотревшись на действия людей в проходе, Борис проморгал, как из пилотской кабины вышли два с иголки одетых пилота, один из которых наклонился к Умарову и довольно громко сказал:

– Извините товарищ Умаров! Вам придется выйти из самолета последним!

– Ничего страшного! Меня ждет у трапа машина и пять минут роли не играет! – небрежно махнул рукой Умаров, откидываясь на спинку сиденья.

Дверь самолета, тем временем, открылась, и в салон хлынул поток свежего воздуха.

Глава седьмая

Ты никому не нужен в депо. Встреча с однокурсниками. Кооператив и химчистка. Борис покупает старинные монеты

Буквально через пять минут все пассажиры вышли из самолета и Умаров с Борисом, который дисциплинированно нес чемодан член-кора, покинули летательный аппарат последними.

Действительно около трапа самолета стояла черная Волга, около которой стояли два человека в черных костюмах и белых рубашках с темными галстуками.

Увидев двух человек, последними вышедших из самолета у встречающих удивленно открылись глаза, но говорить они ничего не стали, хладнокровно и преданно смотря на Умарова и не обращая на Бориса никакого внимания.

Такое развитие событий Бориса вполне устраивало, так как лишняя шумиха вокруг своей скромной персоны была совершенно не нужна. Все-таки это была внезапная проверка, а не показательное выступление, тем более, что сейчас проверка отошла на второй план, а на первый вышла экспедиция Умарова, которая очень заинтересовала Бориса. «Хоть горшком зови, только в печку не суй!» – прокомментировал Борис свое положение, загружая чемодан и свою сумку в багажник автомобиля.

Умаров кивком головы поздоровался с встречающими и первым направился к правой задней двери Волги.

Когда Борис захлопнул багажник, то увидел гостеприимно распахнутую переднюю пассажирскую дверцу и ни слова не говоря, уселся рядом с водителем.

Машина плавно тронулась с места.

– С одной стороны Кунград – древний город, а с другой – молодой! – неожиданно заявил водитель, притормаживая перед большой выбоиной на дороге.

– Странное определение! – не преминул кинуть реплику Борис, отмечая, в центральное зеркало заднего вида, что Умаров, сделав каменное лицо, смотрит в окно, брезгливо опустив кончики губ.

– Кунград стоит на перекрестке Шелкового пути, в дельте великой среднеазиатской реки Аму-Дарья, на ее левом берегу.

Аму-Дарью еще называют Джейхун – Бешенная.

Она часто и произвольно меняет свое русло и тогда города, которые стоят на ее берегах умирают.

Раньше один рукав Дарьи впадал в Каспийское море, а потом стал в Аральское. По этому рукаву римские легионы поднимались до Термеза! – распинался водитель, выезжая на улицу Привокзальную, как гласила обшарпанная табличка перед зданием столовой.

Еще метров триста и появились широко открытые решетчатые ворота с надписью:

«Вагонное депо ст. Кунград»

Машина въехала на территорию и, проехав метров двести, остановилась около трехэтажного кирпичного здания, на котором было написано:

«ВЧД – 13 Кунградского отделения Среднеазиатской железной дороги»

– Спасибо большое! – выходя из машины, поблагодарил Борис, забирая из рук выскочившего водителя свою сумку.

Умаров величаво кивнул, и круто развернувшись, машина рванула, от столбом стоящего Бориса.

– Где находится кабинет начальника депо? – спросил Борис, мельком взглянув на часы, какого-то замасленного аборигена, который с длинным молотком выходил из корпуса.

– На втором этаже! Только вы зря ноги бить будете, никого из начальства нет. Приехала комиссия из Ташкента, и все уехали на рыбалку водку пить! – сходу выпалил молодой чернявый парень, внимательно всматриваясь в Бориса.

Лицо парня тоже показалось Борису знакомым.

– Где-то я тебя видел, парень! – внимательно всматриваясь в лицо аборигена, испачканного черной сажей, проговорил Борис.

– На первенстве института встречались! Ты выступал за экономистов, а я за механиков! – напомнил абориген, бесцеремонно рассматривая элегантно одетого Бориса, так и продолжавшего держать сумку в правой руке.

– И когда начальство появится? – бессмысленно спросил Борис, совсем не рассчитывающий на такое развитие событий.

Хотя откуда простой слесарь мог знать о планах деповского начальства?

Но оказывается, не только знал, но и обладал даром предвидения!

– Обычно пьянка длится не меньше трех дней, но завтра к двенадцати они обязательно будут! На «молитву» опаздывать нельзя! – выдал абориген, который, оказывается, знал Бориса еще по институту.

А аборигена звали Бахтияр, а кликали Бахти, и был он бухарским евреем и тоже занимался боксом.

– Откуда такие подробные сведения? – удивился Борис.

– Раз я говорю – значит знаю! – уверенно пообещал, чему-то улыбаясь, однокурсник.

– Веселый ты человек, Бахти! Вот только что мне делать? У меня же сроки командировки и начальство! Да и ночевать где-то надо! – развел руками Борис.

– Все решим! В крайнем случае, у меня в офисе переночуешь. Там тебя ждет большой сюрприз!

– Надо хотя бы секретарю показаться, А то запишут прогул! А мне нравится моя работа! – жестко заявил Борис, берясь за ручку входной двери.

– Хозяин барин! Хотит – живет – хотит задавится! – согласился Бахти, проходя вслед за Борисом в здание.

Секретарь оказалась пятидесятилетней дамой, с желтым, лошадиным лицом, которая, держа в левом углу тонкогубого рта, по-блатному сжатую папиросу, со скоростью пулемета, стучала всеми десятью пальцами по клавиатуре IBM PC [96].

Увидев Бориса в дверях, секретарь, продолжая печатать, буркнула:

– Никого нет! Все ушли на фронт!

– А вы, мадам, остались на амбразуре? – не удержался от ехидного вопроса Борис, с восхищением смотря на прямо порхающие над встроенной клавиатурой пальцы.

Наклонившись над столом, прочитал название на верху страницы: Ян Флеминг «С прицелом на убийство».

– Молодой человек! Не надо смеяться над старой больной женщиной! – отозвалась секретарь, кидая оценивающий взгляд на Бориса, не прекращая печатать и одновременно закидывая в рот новую папиросу.

– Я приехал к вам в командировку, но раз никого нет, то что мне делать? – с самым простецким видом, развел руками Борис, смотря как секретарь перевернула страницу машинописных листов и продолжает печатать.

– Ничем не могу помочь! Местами в общежитии и в отделенческом доме занимается лично начальник депо.

«Можно, конечно, позвонить в отделение дороги, но мне позарез нужна эта секретутка! Кровь из носа!» – решил Борис и с самой обаятельной улыбкой выдал:

– Мадам! Я в восторге от вашего умения печатать! Я такой скорости печатания не видел даже в маш бюро Академии Наук!

– Короче, Склифосовский! Чего надо? – оборвала льстеца, грубиянка секретарша.

– Надо напечатать диссертацию и две папки!

– Сто рублей! И неделя работы! – не отрываясь от клавиатуры оценила свою работу секретарь.

– А за три дня? – поставил условие Борис, начиная расстегивать сумку.

– Сто пятьдесят! – выдала секретарь, бросая на своего собеседника оценивающий взгляд.

– Надо просто набить текст в лаптоп! – заявил Борис, вынимая из сумки портативный компьютер.

– Это сложно. Лучше я на своем набью, а потом перекину на ваш портативный! – решила секретарь, набирая короткий номер.

– Сергей! Мухой ко мне! – приказала секретарь, закуривая новую папиросу.

– О деньгах при нем ни слова! – предупредила секретарь, пряча пятьдесят рублей задатка, которые протянул ей Борис.

Заскочил лохматый худой парень в джинсах и ковбойке.

– Что случилось опять с вашим старьем Мария Петровна? – спросил, брезгливо сморщившись парень, вздернув высоко голову.

– Сможешь перекинуть с моего компьютера данные на этот? – спросила секретарь, строго нахмутив брови.

Лохматый опустил голову и увидев лаптоп, прямо подпрыгнул на месте.

Кинувшись к столу, открыл крышку лаптопа и нежно провел по клавиатуре подушечками пальцев. Наклонившись, посмотрел гнезда и хрипло сказал:

– Перекину, без проблем.

Повернувшись к Борису, который выгружал на стол папки, спросил:

– Вы разрешите включить это чудо?

– Включай! Мне не жалко! – разрешил Борис, смотря над ловкими пальцами программиста, с обкусанными ногтями, которые прямо порхали над клавиатурой.

– Я у вас пяток программ скопирую? – с придыханием спросил программист, жалобно смотря на Бориса, который чуть замешкался с ответом, углядев в открытой двери Бахти, который указательным пальцем правой руки, стучал по запястью левой, показывая, что время истекает.

Видя, что Борис не отвечает, Лохматый жалобно предложил:

– Я вам десяток стрелялок скину! У меня прикольные есть!

– Завтра поговорим! – пообещал Борис, засовывая лаптоп в свою сумку.

Кооператив Бахти, который окончил институт на два года позже чем Борис, находился в самом конце депо, около кузнечного цеха, где шипела газовая и электрическая сварка, бухали молота и звонко щелкали ножницы по металлу.

– Странный какой-то у вас кузнечный цех! И сварка там работает и гильотина! – покачал головой Борис, заглядывая в настежь открытую дверь цеха, где полуголый кузнец нагревал в горне какую-то маленькую длинную железяку.

– Тут мы организовали пару кооперативов и взяли в аренду три пустых помещения у депо.

Занимаемся художественной ковкой, прецизионной сваркой и изготовлением оружия для ролевых игр! – рассказывал Бахти, толкнув железную дверь, за которой оказалась глухая комната, без окон, в середине которой стоял массивный железный стол, на котором стоял большой металлический шар, сантиметров шестьдесят в диаметре.

Едва Борис зашел внутрь, как Бахти задвинул массивный засов на двери.

– Вот теперь можно спокойно посидеть и поговорить, тем более, что у меня пригнулся еще один однокурсник! – объявил Бахти, пересекая комнату и открывая еще одну незаметную дверь, за которой оказалась ярко освещенная комната в которой сидел Александр Соколов, бывший студент Транспортного института. Соколов тренировал пловцов в институте и именно к нему Борис иногда водил девочек в бассейн, благо одного только «Да» тренера хватало для купания его самого и девочек в теплой воде.

В комнате имелся большой диван, письменный стол с кипой бумаг, а на левом углу стола разноцветные металлические пластинки.

– Вот и встретились два инспектора и один кооператор на гостеприимной Кунградской земле! – скаламбурил Бахти, сдвигая бумаги в сторону и ставя на стол бутылку коньяка, три стакана, тарелку с крупными кусками жареной рыбы и большую лепешку.

– Я не инспектор, а просто проверяющий, которого даже не могут нормально устроить ночевать! – немного обиженно заявил Борис.

– Сейчас решим! – немного вальяжно заявил Александр, непонятно какой инспектор, беря телефонную трубку.

Набрав короткий номер, назвал себя и коротко приказал:

– закажите еще одно место в отделенческом доме отдыха!

Сделав глоток коньяка, Борис с уважением похвалил непонятно какого инспектора:

– Ты на ходу решаешь сложные задачи!

– Есть немного! Но эта задача – мелочь! – отмахнулся Александр, о чем-то напряженно думая.

Резко зазвонил телефон.

Бахтияр взял трубку, секунд пять послушал и тут же протянул ее Александру.

– Соколов слушает! – официально представился Александр и крепче прижал трубку к правому уху.

Послушав минуту, Александр сморщился, как будто в рот ему засунули целый лимон.

– Так точно! Будет исполнено! – отрывисто сказал Александр и осторожно положил трубку.

Буквально через секунду снова поднял трубку и, набрав трехзначный номер, отрывисто попросил:

– Ахмед Ганиевич! закажите мне один билет до Красноводска на сегодня и пришлите машину к второму кузнечному цеху вагонного депо!

Положив трубку, Александр извиняющее развел руками:

– Звонил шеф и приказал все бросить и лететь в Красноводск! Я включен в гос комиссию по приемке! Очень мне надо лететь! Но ничего не поделаешь – служба!

– Ты чего приехал проверять на дорогу? Вроде ты в торговлю ушел? – спросил Александр, отпивая глоток коньяка.

– Так же как и ты спокойно работал и вдруг звонок и вперед с песней! Я даже не успел посмотреть документы от какой фирмы я еду! – мотнул головой Борис, которого занимали сейчас странные пластины на столе Бахти, чем вопросы шапочного знакомого.

Снаружи нетерпеливо просигналили.

– Я побежал парни! Еще увидимся! – встал Александр со своего места.

– Удачи! Мягкой посадки! – напутствовал Борис, которому не терпелось остаться с Бахти наедине.

– Ты, говорят, защитился? – неожиданно спросил Бахти, наливая в стакан пятьдесят граммов коньяка.

– И очень давно. Уже больше десяти лет прошло.

Ты тоже наукой занимаешься? – неожиданно для себя, спросил Борис, кивая на стопы исписанной мелким шрифтом бумаги.

– Занялись порошковой металлургией и получили очень интересные результаты и заказы от железной дороги, но как обычно появились «добрые» дяди, которые захотели притормозить. Сюда поехали комиссии и все ненароком хотят зацепить наши кооперативы, – скривился Бахти.

– У меня совсем другая задача. Я буду проверять депо в целом, а про кооперативы в моем вопроснике нет ни слова, – быстро просмотрев список вопросов, которые ему передала секретарь Лилечка, ответил Борис.

– Первая хорошая новость за сегодняшний день! Если мы пробьем заказ на Среднеазиатской дороге, то можно выходить и на МПС^[97]!

А это совсем другие деньги и другой уровень! – горячо сказал Бахти, снова наливая в стаканы коньяк.

– Что за молитва, на которую завтра в двенадцать часов соберется все начальство? – спросил Борис, отпивая глоток коньяка и закусывая рыбкой.

– Так называют селекторные совещания у начальника дороги. Может поднять любого руководителя на дороге^[98] и очень большие неприятности ждут тех, кто не сможет быстро и четко ответить!

И уйти нельзя и эти совещания длятся иногда по три часа! – засмеялся Бахти, у которого сразу поднялось настроение.

– Машина будет только через два часа. Своди ка ты меня в химчистку! – предложил Борис, вставая из-за стола.

– Не пойдет! Без разрешения шефа, я не имею права показать тебе ни одного цеха! Меня за такое самоуправство запросто выгонят из депо! – покачал головой Бахти.

– Но рассказать, что из себя представляет ваша химчистка ты можешь? – попросил Борис, пристально всматриваясь в лицо однокурсника.

– Не только рассказать, но и покажу все слабые места! Эта химчистка у меня уже в печенках сидит! – подвинув к себе чистый лист бумаги, почти выкрикнул Бахти.

«Что Бахти зуб имеет на химчистку – это хорошо! Если он мне расскажет все слабые места химчистки и технологического процесса – это еще лучше! Потом можно будет поинтересоваться откуда такая нелюбовь к химчистке, а пока будем внимательно слушать и наматывать себе на ус!» – промелькнули быстрые мысли в голове у Бориса, приготовившегося внимательно слушать.

– Короче, химчистка типа «Орбита», предназначена для очистки сильно загрязненной спец одежды работников железнодорожного транспорта.

Схема очистки очень простая: закидывается загрязненная спец одежда в барабан, туда подается растворитель из бачка, крутится большой бак и оттуда выходит чистая одежда, – начал рассказывать Бахти.

– Что является растворителем в химчистке? – задал наводящий вопрос Борис, по примеру своего собеседника беря чистый лист бумаги.

– Трихлорэтилен^[99] или тетрахлорэтилен^[100], больших количествах. Вещества очень дорогие и у нас не производятся. Их поставляет Япония и Китай.

– Расскажи подробнее о технологическом процессе! – попросил Борис, дав себе слово завтра же сходить в библиотеку и подробнее узнать об этих химических веществах.

– Загружают в барабан грязную спец одежду, закрывают крышку, а потом вынимают чистую и выдают рабочим! И тут идет грубейшее нарушение технологии и техники безопасности! – темпераментно воскликнул Бахти, потирая правую ладонь о левую.

– В чем именно эти нарушения? – задавал наводящие вопросы Борис, в голове которого вертелась одна мысль:

«Сможет ли Бахти изготовить пресс-формы для монет? Как быстро сможет он изготовить эти формы?»

– По регламенту в помещении химчистки должно быть семь помещений, а в наличии имеются только три. Одно, где стоит сама химчистка, второе для хранения чистой спец одежды и третье для складирования грязной робы! И есть одна система вытяжной вентиляции, а вторая притонная, непонятно какой производительности! – темпераментно сбрасывая кучу информации Бахти, энергично размахивая руками.

– Какое отношение имеет производительность систем вентиляции на производственный процесс? – удивился Борис.

– Вытяжка должна быть равна двадцатикратному воздухообмену ^[101], а приток восемнадцатикратному! – продолжал гнуть свою линию Бахти, показывая свою эрудицию.

«Что-то здесь не так! Надо разобраться, где тут собака зарыта! Не может простой механик так глубоко разбираться в системах вентиляции! Есть какая-то, и зуб или два даю, личная причина, по которой Бахти подталкивает проверяющего к какому-то выводу, что вентиляция в химчистке плохая и надо все в корне менять!» – понял Борис, с интересом смотря на своего собеседника, который «просто так» поил его хорошим коньяком.

– Как можно привязать вентиляцию к экономике? – попробовал уточнить Борис вопрос.

– Все очень просто! Если вытяжка больше притока воздуха, то все хорошо и весь плохой газ выкидывается из помещения! А если приток больше? Значит страшный газ пойдет по всем помещениям депо и люди могут не просто отравиться, а и умереть! А сколько стоит один трудодень квалифицированного рабочего? А если это не рабочий, а инженер? – продолжал насесть на Бориса темпераментный Бахти.

– Скажи проще, что у тебя на химчистке родственница работает и ты хочешь моими руками улучшить ей условия труда! Вполне реальная причина! – наконец догадался Борис.

– У меня там жена работает! И у нее от этого газа болит голова и чуть не было выкидыша! – выпалил Бахти, и испуганно посмотрел на Бориса.

– Не люблю альтруистов! От них всегда столько неприятностей, что десятку воров и расхитителям не создать! Ты мне лучше расскажи, что надо сделать, чтобы ваша «Орбита» была образцом – показательной и у нее повысились экономические показатели! – предложил Борис, не забывая записывать все откровения своего собеседника.

– Надо сделать новые прокладки для бака с трихлорэтиленом и на самом барабане, провести замеры систем вентиляции, и ее отрегулировать! И самое главное: установить подпольную систему вентиляции! – выдал Бахти, и с мольбой посмотрел на Бориса.

– Зачем подпольную систему вентиляции? – удивился Борис, прикидывая, как лучше перейти к вопросу изготовления пресс-форм для монет. Борис уже прикинул, что все эти мероприятия обойдутся депо в несколько десятков тысяч рублей, а при наличии планового хозяйства эту сумму надо просить у вышестоящей организации: у отделения дороги ^[102], а может и у управления дороги.

– Мне надо сделать пресс-формы для изготовления старинных монет! И тогда я тебе гарантирую, что все в твоей «Орбите» будет топ! – поставил условие Борис, выкладывая на стол бабушкины фотографии.

– Не пойдет! Нужны сами монеты. По ним я тебе за день сделаю пресс-формы из любого металла! – сходу ответил Бахти, бросив на фото только один взгляд.

– Давай вернемся к этому разговору через несколько дней! – предложил Борис, убирая фотографии во внутренний карман.

– Если ты мне дашь четыре тысячи рублей, то я найду тебе старые золотые монеты, которые ты сможешь увезти с собой за бугор! – неожиданно предложил Бахти.

– Они точно старые? – попробовал уточнить Борис.

– Через пару дней я тебе точно скажу, что за монеты, но сдастся мне, что это именно те монеты, которые ты показал на фото.

– С собой у меня таких денег нет, но прислать телеграфным переводом можно.

– Деньги пусть тебе пришлют в Нукус или Ургенч. Не надо светиться в нашем городе с такими деньгами. Городок у нас небольшой и на почте сразу начнут задавать вопросы, – деловито напомнил Бахти.

– Проще слетать в Ташкент и обратно, – резонно заметил Борис.

– А обратно поехать на поезде. В самолетах сейчас проходят через металлодетектор, – пояснил Бахти, ставя на стол вторую бутылку коньяка.

– То есть вытяжную вентиляцию надо делать подпольной во всех помещениях? – перевел разговор на прежнюю производственную тему Борис, уходя от скользкого разговора.

– Желательно! Но в первую очередь надо сделать подпольную вентиляцию в основном помещении! – продолжал настаивать Бахти, делая недвусмысленное движение указательным и большими пальцами правой руки, потеряв их друг о друга.

– Ты намекаешь на небольшой аванс сейчас? – поставил точки над «i» Борис, прикидывая, что в его кармане, сейчас, всего пятьсот рублей.

– Трихлорэтилен – газ тяжелее воздуха и в основном скапливается на полу, откуда его надо удалять, – сходу пояснил Борис.

«Должны быть еще деньги в папке, которую передала мне Лилечка! Мое начальство не могло отправить меня в командировку без копейки!» – вспомнил Борис, подвигая к себе ногой свою сумку.

Нагнувшись, Борис расстегнул длинную молнию и достал многострадальную папку, которую так и не удосужился посмотреть.

Открыв папку, начал перебирать листки, с печатями и в самом низу нашел командировочное удостоверение, к которому было пришпилено пятьсот рублей, пятидесятирублевыми купюрами, не обратив внимания, что Бахти внимательно читал первый листок, с шапкой «Комитета Республиканского народного контроля»^[103]

– От серьезной конторы ты приехал! Ты, знаешь, что Комитет народного контроля, приемник Партгосконтроля? – покачал головой Бахти, открывая новую бутылку.

– Я хоть и член партии, но в такие дебри никогда не лез! – махнул рукой Борис, отсчитывая восемь пятидесятирублевых купюр и кладя их на край стола.

– Я как будто знал, что мне понадобятся сегодня монеты! – воскликнул Бахти, кладя на стол две маленькие серебряные монеты, которые достал из ящичка стола.

Борис налил по половине стакана коньяка, заметив, что движения Бахти стали более порывистыми, а речь отрывистой.

«Бахти не очень хорошо воспринимает алкоголь.

Две бутылки коньяка на троих – ерунда, а мой собеседник прилично поплыл!» – оценил Борис состояние сокурсника, решив, что надо завязывать с пьянкой.

– Давай по последней! – предложил Борис, поднимая свой стакан.

– Куда тебе торопиться? Машина отвезет в отделенческий дом отдыха. Начальник отделения построил этот дом как памятник самому себе! Но домик получился отличным! Там и сауна есть и номера очень приличные! – немного завистливо сказал Бахти.

– Значит, вся комиссия из Ташкента там поселится? – уточнил Борис, которому очень не хотелось продолжать пьянку.

– Сегодня ты навряд ли увидишь эти рожи, а вот завтра будешь лицезреть все эти противные морды! – пьяно улыбаясь, заявил Бахти, снова открывая верхний ящик стола.

– Постарайся помочь моей жене, которая.., – начал говорить Бахти, кладя перед Борисом темную монету с портретом мужика в шлеме.

Положив правую руку на стол, Баhti пристроил на нее голову и громко захрапел, показывая, что пьянка для него на сегодня закончилась.

«Мало тренировался Баhti в принятии алкогольных напитков! Спусти рукава к этому важному делу относился! Вот и пожинает теперь плоды разгильдяйства в институте!» – убирая в сумку папку, оценил поведения Баhti Борис.

Снаружи прозвучал автомобильный сигнал.

Борис поднял голову и обнаружил три пустых коньячных бутылки, стоящие под столом.

«Даже, если одна бутылка вчерашняя, вторую мы с Баhti допили, то он сегодня уже выкушал с Соколовым бутылку до моего прихода! Прошу прощения за крамольные мысли дорогой товарищ!» – мысленно извинился Борис, убирая только что начатую бутылку коньяка в угол комнатухи, за два длинных тубуса ^[104].

Глава восьмая

Первый день в депо. Борис дает ценные указания.

Десять минут спустя после такого странного окончания пьянки, Борис входил в одноэтажный дом, около северной горловины станции ^[105].

– Мне заказал номер товарищ Соколов! – весомо произнес Борис, выкладывая на стол, за которым сидела дородная женщина, свой паспорт и командировочное удостоверение.

– У нас, к сожалению, ни одного свободного номера нет! Внезапно приехала комиссия из Ташкента и все места заняты! – развела руками женщина.

– Соколова сегодня не будет, так что можете меня поселить в его номер! – вальяжно махнул рукой Борис, в котором сильно играл выпитый только что коньяк, делая его излишне уверенным в себе.

– Как прикажете, товарищ Щварцман! – вставая со своего места, согласилась женщина. Пройдя по коридору метров десять, свернула направо и вытащив из кармана ключ с большой металлической грушей, на которой стояла цифра «Восемь», сунула его в замочную скважину.

Комната метров восемь с одной не застеленной кроватью и одна дополнительная дверь сразу показали Борису, что в номере есть санитарно-технические устройства, чему он несказанно обрадовался.

Да и письменный однотумбовый стол, со старинным черным телефоном в правом углу тоже прибавил оптимизма.

– Горячая вода есть? – спросил Борис, смотря, как ловко женщина перестилает постель, достав из шкафа чистое белье.

– Сейчас есть, но как дальше будет – не знаю, – сообщила женщина, смотря на Бориса, который, сняв туфли, в одних носках, уселся на стул около стола, переводя взгляд с холодильника на телевизор.

– Телевизор работает, но показывает только один канал! – успела сказать женщина, как зазвонил телефон.

Борис взял трубку и вальяжно сказал, корча из себя барина:

– Вольфсон слушает!

– Это Умаров говорит! Ты не мог бы завтра со мной утром встретиться? Есть очень интересное предложение!

– А по телефону нельзя? – спросил Борис, делая знак женщине выйти из номера.

Оставив на столе ключ от номера, женщина на цыпочках вышла, плотно закрыв за собой дверь.

– Есть предложение захватить тебя на археологические раскопки! – сходу выпалил Умаров.

– Буду очень рад! Надо только завтра определиться с планом проверки и я к вашим услугам! – сходу согласился Борис, в котором по-прежнему играл коньяк.

– Поедем примерно на неделю. Послезавтра утром на Устюрт полетит самолет, а через неделю привезет тебя обратно, – озвучил предложение Умаров.

– Договорились! – согласился Борис, прикидывая, что завтра утром сходит в депо, посмотрит документы, даст задание бухгалтерии сделать кое-какие выкопировки со счетов, и может спокойно уехать на неделю.

Это все равно займет у предприятия не меньше недели – десяти дней, которые можно с пользой провести на Устюрте, спокойно работая над диссертацией для Зухры и какого-то ее друга или подруги из Чимкента.

Лаптоп в любом случае надо было отрабатывать.

«Сейчас сполоснуться и можно сесть и поработать!» – решил Борис, скидывая с себя одежду прямо на стул, стоящий возле письменного стола.

Вода в душе была не сказать, что горячая, но чуть теплая и солоноватая на вкус. Борис с удовольствием помылся, вытерся махровым гостиничным полотенцем, одел трусы и сел работать за письменный стол, справа от которого стояла старинная настольная лампа.

Через два часа, Борис встал, сделал десяток физических упражнений и стал разбирать сумку, в которую предусмотрительная бабушка положила палку твердокопченой колбасы, половинку зажаренной курицы и нарезанный батон.

В шкафу обнаружился заварочный чайник пяток пиал и начатая пачка цейлонского чая.

Налив в чайник воды, Борис сунул туда кипятильник и включил телевизор, рассчитывая посмотреть новости. Как и следовало ожидать, большой «Изумруд»^[106] не подавал признаков жизни.

– Что и следовало ожидать! Но это к лучшему! Меньше отвлекать будет во время работы! – громко провозгласил Борис, сооружая себе пару хороших бутербродов с курицей, остатки которой, как и колбаса, устроились на второй полке холодильника.

В минуту, расправившись с бутербродами, Борис снова сел за работу, отметив, что написал уже двадцать страниц и немного устал.

«Робот закончил считать движение в не Эвклидовом пространстве^[107] твердых тел и решил отдохнуть, считая дифференциальные уравнения шестого порядка!» – сам себе сказал Борис, чувствуя легкую усталость, принялся составлять перечень вопросов для бухгалтерии и планово-экономического отдела, сверяясь со списком, который выдала Лилечка.

Поработав два часа, Борис снова встал, сделал пятиминутную физкульт-паузу, заварил свежий чай и снова сел за диссертацию. Просмотрев файлы, Борис обнаружил, что написал целых пятьдесят страниц, а на часах уже три часа ночи.

«Теперь спать! Встать надо в семь часов утра и идти на работу! В командировке надо придерживаться распорядка предприятия, куда приехал с проверкой! Раз депо работает с восьми часов, то надо и приходить на работу без пяти восемь!» – напомнил себе Борис, ныряя под теплое одеяло.

Через десять секунд Борис спал сном младенца.

Утром быстро позавтракав, остатками холодной курицы, Борис сначала быстрым шагом, потом бегом двинулся в депо, отметив, что столовая уже работает и из нее тянутся аборигены по направлению к депо.

Все шли не торопясь, с удивлением смотря на бегущего трусцой Бориса.

Без пяти восемь, Борис зашел в приемную и обнаружил секретаря, который с бешеной скоростью печатала на своем компьютере.

– Уже напечатала сто страниц! – похвасталась секретарь.

– А я вчера пятьдесят! – не остался в долгу Борис, радостно улыбаясь.

– Пришел только главный инженер! Начальник депо, как я вам и говорила, будет к двенадцати! – шепотом сказала секретарь, снова принимаясь за левую работу.

– Мария Петровна! Меня ни для кого нет! – рявкнул из-за двери грубый мужской голос.

Секретарь виновато развела руками, на бумажке написав: «Виктор Андреевич Глухов»

Коротко стукнув, Борис, не спрашивая разрешения, вошел в небольшой кабинет, где за столом, заваленным бумагами сидел широкоплечий мужик с красным помятым лицом.

– Мне сейчас некогда! У меня через десять минут планерка с начальниками цехов и мне надо подготовиться! – страдальчески морщась, сказал главный инженер, не поднимая головы.

– Я вчера до вечера прождал, сегодня с утра пришел! – виноватым тоном сказал Борис, принимая позу смиренного просителя.

– Ничего с тобой не случится! Подождешь еще! Тебе надо, а не мне! – засмеялся главный инженер, все так же не поднимая головы от бумаг.

– Вы не поняли, Виктор Андреевич! – начал Борис, которого начала разбирать злость.
– Я все понял! Придешь завтра! А лучше послезавтра! Не мешай людям работать! – отмахнулся главный инженер.

– Как позвонить в комитет народного контроля? – жестко спросил Борис, которому очень хотелось съездить по морде этому неотесанному грубияну.

– Здесь не справочное бюро! – обрезал главный инженер, поднимая голову.

– Я приехал из Ташкента не для того, чтобы выслушивать вашу грубость! – жестко заявил Борис, которому надоела глупая пикировка.

– Я сейчас вызову милицию и ты получишь пятнадцать суток, если в течение пяти секунд не уберешься из моего кабинета! – пообещал главный инженер, с ненавистью смотря на Бориса.

– С Соколовым вы тоже так грубо разговариваете, или только с незнакомыми людьми себя хулиганом себя показываете? – невзначай спросил Борис, набирая сначала девятку, а потом ноль девять.

Главный инженер широко открыл рот и вытаращил на Бориса глаза.

– Справочная Кунграда! – тем временем ответила телефонная трубка.

– Номер телефона Комитета народного контроля! – отрывисто сказал Борис, вынимая из кармана блокнот и ручку.

– Могу дать приемную, – предложила вежливая телефонистка.

– И председателя, пожалуйста! – вежливо, но непреклонно попросил Борис.

– Пожалуйста, – продиктовала телефонистка два пятизначных номера.

– Большое спасибо! – поблагодарил Борис и только собрался положить трубку, как телефонистка добавила:

– Комитет начинает работать с десяти часов!

– Учту! – буркнул Борис, записывая номера телефонов.

Записав номера телефонов, Борис, засунув ручку и записную книжку в карман и круто развернувшись, только сделал первый шаг к выходу, как главный инженер попросил:

– Задержитесь, пожалуйста!

Борис остановился и медленно повернулся.

– Извините! У меня вчера был очень тяжелый день! – попросил главный инженер, мотая головой.

– Ладно! Забыли! – махнул рукой Борис, и подойдя к столу, положил на него два листа, продолжил:

– Мне надо подготовить документы для проверки по этому списку! Сделайте себе копии, а оригиналы отдайте мне!

– Мария Петровна! – крикнул главный инженер и сходу продолжил:

– Надо сделать копию вот этих двух документов в четырех экземплярах!

Секретарь быстро вошла в кабинет и ни слова не говоря, взяв Борисовские листки, вышла из кабинета.

– Мне нужен сопровождающий, с которым я хочу осмотреть депо!

Вы, пока определитесь, сколько времени, вам надо, чтобы подготовить для меня бухгалтерские документы, бумаги планово-экономического отдела и МТО^[108]! – предложил Борис, усаживаясь на стул.

– Чай будете? – спросил главный инженер, набирая номер телефона.

– Бахти! Мухой ко мне! – приказал главный инженер, и забрав у секретаря только что принесенные листки, передал два, скрепленные скрепкой Борису.

– Марь Петровна! Сделайте нам, пожалуйста, чай! – в спину уходящего секретаря, попросил главный инженер, сминая лицо правой рукой.

– Парень Бахтияр Музаффарович шустрый парень, недавно защитил кандидатскую диссертацию, сейчас пишет докторскую. Разрабатывает новую технологию производства деталей

для тормозного аппарата вагонов и уже получил пять авторских свидетельств^[109]! – охарактеризовал Глухов будущего экскурсовода.

«Какой шустрый парень!»

И докторскую пишет и бизнесом занимается и золотые и серебряные монеты продает! Многостаночник! С ним надо быть поосторожней! Широко ничего раскрывать нельзя! Тем более любимую задницу!» – мысленно покачал головой Борис, сделав восторженную физиономию.

Восторженный взгляд Бориса подействовал на главного инженера как красная краска на быка, и в адрес Бахти полились очередные дифирамбы:

– Бахтияр каждый год издает два – три десятка статей, а в прошлом году выпустил в Америке книгу по порошковой металлургии!

– Вот бы приобрести! – мечтательно заявил Борис, который понимал в порошковой металлургии меньше чем баран в апельсинах! Но показать, что он не сердится за хамский прием надо было обязательно! Борис это сделал!

Главный инженер сунул руку в стол и передал Борису толстую книгу в академическом издании, на которой в середине золотом было написано:

«Powder metallurgy»^[110], а сверху скромно: «Zafarof В. М.» мелким шрифтом красного цвета.

– Серьезная вещь! – оценил Борис, взвешивая на руке уникальный том, который весил никак не меньше килограмма.

– Можно я на досуге посмотрю? – попросил Борис, складывая уникальную книгу к себе в сумку.

– Берите! Я вам ее дарю! – сделал широкий жест главный инженер, поднимая голову от копий документов, которые только что размножили.

– Мария Петровна! Вызовите мне заместителя главного бухгалтера, снабженца и начальника планово – экономического отдела! – снова уткнувшись в копии документов, которые дал Борис, приказал главный инженер.

В дверь осторожно постучали.

– Войдите! – не поднимая головы, буркнул главный инженер.

Вошел Бахти, одетый в старый синий комбинезон, с застиранными пятнами масла, на груди, животе и брюках.

Лицо Бахти было помятое, но веселое.

Главный инженер скривился, но говорить ничего не стал, продолжая внимательно изучать список документов, которые потребовал представить Борис.

– Зачем вам список спец одежды, которую получают работники? – спросил главный инженер, кивком головы усаживая двух русских женщин и одного то ли узбека, то ли таджика с остреньким носом и вертлявыми движениями.

– В принципе, я объяснять это не должен, но чтобы вы поняли, что это не просто набор документов, который я сделал просто так, а для проверки расхода материально – технических ценностей.

Каждый работник депо получает СИЗ^[111] в соответствии с нормативными документами, которые тоже прошу предоставить, как и бухгалтерские карточки на СИЗ.

СИЗ влияет не только на условия, производительность и качество труда, безопасность работников, но и на вашу, товарищи персональную заработную плату! – обличающим перстом, Борис указал на Бахти, который втянул голову в плечи.

– Почему именно на нашу заработную плату? – пискнула дородная блондинка, обладающая тонким голосом, несмотря на свои внушительные габариты.

– Недостаток СИЗ может вызвать не только недовольство рабочих, но и повышенный производственный травматизм, профессиональные заболевания и даже смертельные случаи! – обличающим тоном заявил Борис, отметив разлохматившийся обшлаг на правой руке Бахти.

– Вы не ответили на мой вопрос! – обличающим тоном, еще более повысила уровень звука блондинка, с ненавистью смотря на Бориса.

– Представьтесь, пожалуйста! – попросил Борис, отпивая из пиалы чай, про себя подумав: «Хамство является неотъемлемой чертой руководителей депо! Надо этот настрой сбивать! Иначе я буду вынужден тратить очень много времени на объяснения с каждым работником! Мне совсем не светит объяснять каждый свой шаг и дискутировать по любому вопросу.

– Я не знаю с кем я разговариваю! – закинула блондинка нога на ногу, обнаружив на ляжках с явными признаками целюлита.

– Извините, что не представился! Борис Викторович Шварцман! Представитель народного контроля республики! Кандидат экономических наук! – стоя, отчеканил Борис, пристально глядя на перезрелую блондинку.

– Малышева Ирина Дмитриевна! Заместитель главного бухгалтера! – пискнула блондинка, вскочив на ноги.

– Можете сесть! – царственно махнул рукой Борис, жестом пальца поднимая Бахти, автора монументального труда на английском языке и без пяти минут доктора технических наук.

– Вот перед вами типичный представитель рабочего, который ходит в комбинезоне второго срока! Если данный рабочий попадется на глаза не такому въедливому проверяющему как я, а инспектору или доверенному врачу Дорпрофсожа, то начальник депо, инженер по технике безопасности и главный инженер будут оштрафованы! Как вы думаете, это им понравится? И получите ли вы после этого свою премию?

– Бахтияр не входит в штат работников депо! – пискнула блондинка, до которой еще не дошло с кем имеет дело.

– Тем более! Данный рабочий работает на токарном станке и у него затягивает руку с обтрепанным манжетом! – ткнул пальцем Борис в Бахти.

– Мы не отвечаем за арендаторов депо! – взвизгнула блондинка, трясась от злости.

– Вы, лично Ирина Дмитриевна, принесете мне карточки СИЗ на всех работников, счета на получения спец одежды, гигиенические и технические сертификаты! – жестко сказал Борис.

– Это огромная работа! – снова пискнула зам глав буха.

– Которую, вы сделаете за три дня! – жестко сказал Борис, обличающее взглянув на блондинку.

– Я не успею! – затрясла головой блондинка.

– Сколько времени вам надо? – благожелательным тоном спросил Борис.

– Две недели, а лучше месяц! – снова пошла в наступление блондинка.

– Значит, в акте я могу отметить, что учет СИЗ ведется не качественно и на момент проверки документы не были представлены! Это повлечет за собой определенные орг выводы у моего руководства, – развел руками Борис, показывая, что он просто исполнитель, а выводы будут делать где-то там далеко, в заоблачных далях, но на основе его акта.

– Дайте хоть неделю на сбор документов! – взмолилась блондинка, покрывшаяся красными пятнами.

– Хорошо! Даю вам неделю на подготовку и сбор документов! Все свободны!

Бахтияр! Вы оставайтесь! Сейчас переговорим с главным инженером и пойдем осматривать депо! – распорядился Борис, снова отпивая глоток чая.

Народ дружно поднялся и шустро вышел из кабинета, испуганно бросая быстрые взгляды на Бориса.

– Сейчас мы с Бахтияром пойдем осматривать депо, обращая особое внимание на химчистку, которая так скверно стирает спецодежду.

Вы мне пока приготовьте акты санэпидстанции по проверке рабочих мест, обратив особое внимание на результаты химических анализов воздушной среды в помещении химчистки и в ста метрах от нее! – поставил задачу Борис, вставая со своего места.

– Это-то еще для чего? – удивился главный инженер, вытирая струящийся по лицу пот.

– По результатам химических анализов я смогу определить с какими веществами вы работаете, соответствуют ли они прохождению закупок материалов и веществ. Хорошо бы сделать карту загазованности и даже профвредности предприятия на территории и в цехах!

– Задача интересная! Но как это будет выглядеть на самом деле? – неожиданно спросил Бахти.

– Я это вижу примерно так! – начал рассказывать Борис, рисуя на листе бумаги эскиз цеха, с кружочками, обозначающие рабочие места.

– Если загазованность превышает норму, то закрашиваете кружочек красным цветом. А если нет, то зеленым, с расшифровкой внизу ингредиентов и соответственно в скобках пишете ПДК ^[112]. Нужно объяснять, что такое ПДК? – спросил Борис, снова присаживаясь за стол.

– Если связываться с нашей СЭС ^[113], то два года будем делать! – махнул рукой главный инженер, затравленно смотря на Бориса.

– Можно сделать все быстро, но нужны приличные деньги! Есть у меня контора которая занимается параллельным анализом химических веществ! – радостно возвестил Бахти, набирая на телефоне три цифры.

– Срочно Москву! – приказал Бахти и буквально через секунду продиктовал шестизначный номер.

– Саша! Это Бахти говорит! Мне нужен параллельный газовый анализатор в аренду на неделю!

Минуту послушав, Бахти покачал головой и попросил:

– Тормозни на три дня его! Я приеду и привезу половину суммы налом!

Еще минуту послушав, и радостно сказал:

– Завтра или даже сегодня ночью буду! Рыба и сушеная дыня с меня! Спасибо за хорошую новость!

Положив трубку, Бахти объявил:

– Фирмач от датской фирмы требует пятьдесят тысяч налом! Ты сможешь выделить мне для работы двести тысяч?

– У тебя и аппетиты! Но если сделаешь мне выбросы, то дам триста тысяч! – просветлел взгляд главного инженера, и сам он выпрямился, высоко подняв голову.

– Пиши название ингредиентов! – решил Бахти, вскакивая со своего места.

– Дай название и тему договора Марии Петровне и я сегодня же тебе перечислю аванс! – махнул рукой главный инженер, чему-то радостно улыбаясь.

– Я все слышала! Только скажите точно название договора! – встретила Мария Петровна с неизменной папиросой в правом углу рта.

– Составление карт профессиональных вредностей по ПДК и ПДВ ^[114] вагонного депо станции Кунград! – продиктовал Борис, подталкивая Бахти на выход.

– Иди работай с проверяющим! Смету я сама составлю и подпишу у руководства! Счет тоже нарисую! Через два часа приходи за всеми документами! – махнула рукой секретарь, закуривая очередную папиросу.

– Классная у вас секретарь! И персональный компьютер знает, и сметы составить может. А как печатает, глаз не оторвать! И очень добрая женщина! – восхитился Борис неожиданными талантами секретаря.

– Марь Пектровна, долгое время была начальником технического отдела нашего депо. Но поссорилась с начальником и тот ее перевел на должность инженера и посадил в приемную печатать бумаги. И бабка так прижилась, что ее теперь из приемной за все сокровища мира не выманишь! Она и у меня в кооперативе работает и у Тагира с Олимом вертится! Зачем ей на старости лет ответственность, а денег намного больше! – в нескольких предложениях описал Бахти жизненный путь странного секретаря начальника депо.

– Как фамилия начальника депо? На дверях нет таблички, а спрашивать неудобно, – спросил Борис, смотря по сторонам.

Из дверей длинного цеха выталкивали грузовые вагоны с деревянной обшивкой и металлической крышей.

– Фамилия начальника депо Умаров. Он здесь недавно. Его перевели из Ташкента, где он работал в вагонной службе старшим инженером, – рассказывал Бахти, чему-то мечтательно улыбаясь.

Бориса как будто в печенку кольнуло от неприятного предчувствия! Ведь фамилия членкора тоже была Умаров! Хотя Умаровых в Узбекистане столько же как Ивановых в России.

– Это понижение или повышение для Умарова перевод в Кунград начальником депо? – попробовал уточнить Борис, присаживаясь на лавочку около цеха.

– С одной стороны вроде бы повышение. Был старшим инженером, а стал начальником депо. А с другой стороны – работник управления дороги – номенклатурный чин и его не с бухты – барахты переводят в какую-то дыру в конце географии начальником депо. Как-то несерьезно! Тем более, когда у тебя отец академик! – выпалил Бахти, хлопнув себя по коленям обоими руками.

– Как называется этот вагон? – задал первый попавшийся вопрос Борис, стараясь отвести мысли Бахти от родственных связей начальника депо, в которые он сам вляпался всеми четырьмя лапами.

– Это четырехосный вагон, которые мы тоже ремонтируем. На практике, в НовоАлтайске мы собирали такие же вагоны. Вот было счастливое время! Гуляли по ночам, спали с местными девчонками и даже писали стихи. Хочешь, прочту тебе стишок из той поры, каждое четверостишие которой обозначает определенный период жизни на практике? – спросил Бахти и не дожидаясь согласия Бориса, стал нараспев читать:

*«Все вместе мы собрались на вокзале
В карманах наших денежки шуришат
Но вскоре ощутившись на Алтае
Мы позабыли про ташкентский виноград»*

Вот так мы доехали до Алтая, с короткой остановкой в Барнауле. И пошло второе четверостишие.

*«Нас с распростертыми объятьями встречают
Гостиница, завод и МТО
И нам начальники такое, обещают,
Что возразить не можем ничего!»*

Я проработал месяц в сборочном цеху, подшивая потолки в грузовых вагонах, работая за четверых, а получил сто двадцать рублей, в то время, когда остальные члены бригады получили от трехсот пятидесяти до четырехсот рублей. Родился третий куплет:

*У нас сегодня первая получка
Нужны нам деньги чтоб устроить быт
Но в кассе получаем мы такое
Что до аванса плакали навзрыд.*

И так кинули всех, кто работал в сборочном цеху.

И тогда мы решили устроить итальянскую забастовку^[115]! Все хором отказались выйти на свои рабочие места. Мы же грамотные были и читали Карлу – Марлу^[116], поэтому просто вышли на свои рабочие места и не стали выполнять свои обязанности.

Вернее выполняли свои обязанности, но очень медленно, и спустя рукава. Пошлют за болтами, идешь медленно, еле ноги волочишь, а все же работали на конвейере и там нужны шустрые ребята. Получается сбой. Приходится кому-то из бригады бежать на следующую позицию и устранять недоделки. Или в обед, пока конвейер стоит, доделывать! Оно бригаде надо?

Нас срочно всех из бригад убрали и посадили в цех перебирать гайки и болты и заниматься их сортировкой.

И тогда родился четвертый куплет:

*Решили, что работы здесь нам нету
Болты и гайки хватит разбирать
И перешли мы в КПЦ^[117] работать
Чтоб там большие деньги зашибать!*

Представляешь: сидит толпа здоровых мужиков в центре цеха. Перед ними двухметровая куча болтов и гаек!

Представляешь! Очень оригинально смотрится!

Сидят, гогочат и лениво кидают то гаечку, то болт.

Если бы нам заплатили ну на сто, на пятьдесят рублей меньше – понятно! Мы молодые, многого не умеем! Но когда в моей бригаде все получили почти в три раза больше, чем я! Тут человек задумается! И сделает орг выводы!

Пару дней мы поработали и решили перейти работать в КПЦ и тут родились еще два куплета, которые, к сожалению, являются последними.

*Мы встретили там Шуру Бармалея
Чугунные копейки он ковал.
И каждый раз наряды проверяя
Брызжа слюной на мастера кричал^[118]!*

Были еще куплеты, но с течением времени они стерлись из памяти! – закончил краткий поэтический экскурс Бахти, весело посмотрев на Бориса.

«Повеселился парень, теперь пора тебе снова вернуться к суровой прозе жизни!» – решил Борис, поворачиваясь к Бахти.

– Расскажи о технологии ремонта вагона в сборочном цеху! – попросил Борис, вставая со скамейки.

– В сборочном цеху производится ремонт и сборка вагонов, под них подкатывают отремонтированные тележки и ставят автотормозное оборудование, – рассказывал Бахти, ведя по длинному цеху, в конце которого стояли грузовые вагоны, а в начале пассажирские.

Хотя, определить где начало цеха, а где конец, было проблематично, так как цех имел сквозной проезд.

Неожиданно в цеху раздалось резкое стакатто отбойного молотка, от которого сильно заболели уши.

Борис только начал поворачиваться к Бахти, как тот пояснил, ничуть не удивившись страшному шуму:

– Это ставят клепки на хребтовую балку с помощью отбойного молотка. Довольно редкая операция, но иногда встречается.

Теперь мы пойдем в тележечный цех! – предложил Бахти, оттесняя Бориса направо.

Оглянувшись по сторонам, Бахти скороговоркой сказал:

– Ты мне ничего не должен! Приеду с Москвы сразу сделаю тебе пресс-формы из старого железа, которое мы нашли на раскопках.

– Почему не должен? – удивился Борис.

– Ты сейчас подогнал мне хорошие объемы и за это не только спасибо, но и пяток золотых старинных монет я тебе выделю! Не говоря о пресс-формах! – скороговоркой заявил Бахти, подводя к двум рельсам, на которых стояли железнодорожные тележки двух видов.

«Можно на раскопки уже не ездить, но что делать неделю в этом занюханном городишке? Да и не стоит идти против течения, которое толкает Умаров, который так „кстати“ попался у меня на дороге! Хотя, может, наша третья встреча с Умаровым была случайной? Не мог же он знать, что в Народном контроле решат проверить Среднеазиатскую железную дорогу, привлекая для этого работников Узбекбирляшу? Хотя нет ничего лучше заранее подготовленного и отрепетированного спича! Но надо обязательно узнать имя и отчество начальника депо Умарова!» – в конце собственных размышлений по поводу сложившейся ситуации, дал себе зарок Борис, пропуская объяснения Бахти мимо ушей.

– Здесь проводят разборку и сборку подшипниковых узлов! – ворвался в уши Бориса голос Бахти, показывающего на роликотный подшипник, который лежал прямо на залитом маслом полу.

– Если в него грязь попадет, то подшипник выйдет из строя! – попробовал напомнить Борис, как всякий автомобилист, хорошо знающий к чему ведет поломка этой важной части машины, ткнув в вопиющее нарушение технологического процесса указательным пальцем.

– Не бери в голову! Перед постановкой на свое место подшипника, его тщательно моют, смазывают. Пойдем, покажу! – предложил Бахти, увлакивая в проход.

– Это самый чистый цех в депо! Здесь производится дефектовка, сборка и разборка подшипников вагонов.

Видишь поточная линия, по которой идут подшипники. Сначала они попадают в моечную камеру, – начал рассказывать Бахти, но Борис прервал его вопросом:

– Чем моют подшипники?

– Какой-то моющий раствор, в котором присутствует кальцинированная сода! – уверенно ответил Бахти, смотря как Борис сунул палец в прозрачную лужицу раствора, натекшую около транспортера и подняв его на уровень глаз, внимательно следил как абсолютно прозрачная капля падает вниз.

– Скажи своим мойщикам, что не стоит подшипники мыть чистой водой. Надо хоть немного добавлять мыльного или моющего состава! – негромко заявил Борис, кидая быстрый взгляд по сторонам.

– Откуда ты знаешь? – деланно удивился Бахти, смотря на Бориса абсолютно «честными» глазами.

– Капля абсолютно прозрачная и не тянется! Первый признак отсутствия моющих веществ! – пояснил Борис, смотря на застекленный кусок конвейера за которым сидели две женщины и внимательно смотрели на ролики, которые медленно плыли перед ними на узкой транспортной ленте.

– Пошли дальше! Сейчас будет главная фишка нашего депо: химчистка «Орбита»! – поторопил Бахти, вроде бы незаметно взглянув на часы.

– Я вижу ты торопишься! Передай меня своей жене, а сам беги на самолет! – предложил Борис, едва они остановились перед большой металлической дверью, на которой было написано:

«Химчистка Орбита»

Сладковатый запах витал в коридоре и Борис невольно поморщился.

– О чем я говорил! Приток больше вытяжки! И поэтому трихлорэтилен выдувает в цех! – моментально отреагировал Бахти, два раза коротко нажимая на звонок.

Буквально через пять секунд, звонко щелкнул металлический засов, дверь открылась, и Борис увидел милостивую таджичку, стоявшую на пороге.

В синем рабочем халате, голубой с цветами косынке, девушка опустила голову и негромко сказала на очень приличном русском языке:

– Проходите, пожалуйста.

Едва дверь закрылась, как Бахти задвинул засов, весело пояснив:

– Местные наркотики повадились лазить! Они от трихлорэтилена балдеют! Дверь нельзя оставлять открытой!

– Чай будете? – все так же, не поднимая головы, спросила девушка.

– Давай по – быстрому! Через десять минут придет машина и мне надо ехать в аэропорт! – отозвался Бахти, первым идя по коридору.

– Вам надо сначала переодеться! Зайдите в комнату чистого белья! – предложила девушка, по – прежнему идя справа от Бориса.

– Накрой пока на стол! – приказал Бахти, открывая вторую правую дверь, из которой пахло сильным сладковатым запахом.

Справа и слева стояли высокие стеллажи, на которых стопками лежало чистая спецодежда. К воротнику каждой куртки был пришпилен листок.

– На каждом листке стоит фамилия работника, который сдал робу в чистку! – пояснил Бахти, скидывая прямо на пол свой комбинезон.

На плечиках, рядом, висел серый костюм с белой рубашкой, в который Бахти стал облачаться со скоростью матерого спецназовца.

Через минуту рядом с Борисом стоял прекрасно одетый молодой мужчина, и только темный загар выдавал его принадлежность к южанам.

– Поторапливайся коллега! – напомнил Бахти, обходя справа столбом стоящего Бориса.

В маленькой комнатке, справа от машины, было широко открыто окно и не так пахло трихлорэтиленом. Хотя около окна был накрыт маленький стол, за которым сидели две женщины: одна молодая, которая встретила их на входе, вторая постарше. Обе в одинаковых синих халатах и длинных штанах, с завязками внизу.

«Вроде такие штаны называются шальварами!» – вспомнил Борис, принимая пиалу зеленого чая из рук пожилой женщины.

– Сейчас внимательно посмотришь на нашу химчистку и дашь свои предложения! Очень мне не нравятся резиновые уплотнения! – давал ценные указания Бахти, гордо вскидывая головой.

«Погоношись парень! Покажи свою значимость! Ты, точно, дома бай и тиран! Только непонятно: раз ты такой крутой, то почему у тебя жена работает в таком вредном месте?» – оценил Борис поведение однокурсника.

Стоящий на подоконнике телефон резко зазвенел.

– Заведующая химчисткой вас слушает! – взяла трубку девушка, сразу постаревшая лет на десять.

«А ты, цыпочка, не такая молодая! Тебе под тридцать лет, если не больше!» – моментально прикинул Борис, беря кусочек казы^[119] с тарелки.

Девушка, вернее молодая женщина, молча передала трубку Бахти.

– Но, Мария Петровна! Вы меня без ножа режете! Поставьте хоть сорок процентов аванс! Самая большая московская шоколадка ваша! – сразу начал распинаться Бахти, приплясывая на месте от нетерпения, одновременно засовывая в рот два кусочка казы^[119].

– Буду через десять минут! – широко улыбнулся Бахти, аккуратно кладя на рычаги телефонную трубку.

Схватив черную сумку, Бахти повесил ее на плечо, и неожиданно выпрыгнул в окно, крикнув на бегу:

– Анвар тебя через сорок минут ждет!

– Я не знаю кто такой Анвар, но видимо, очень большой начальник! – хмыкнул Борис, отправляя в рот большой кусок казы.

– Анвар Фаридович Умаров – начальник нашего депо! Он очень не любит, когда опаздывают к нему на встречи! Давайте я покажу вам химчистку! – встала из-за стола девушка – женщина, показывая, что не стоит терять зря время.

– Тогда пойдемте! Четко все показываете и рассказываете. Если, что не понятно, я переспрошу. Это не с целью проверки, а для того чтобы лучше разобраться в технологии очистки спец одежды! – вежливо сказал Борис, забирая со стола пустую бутылку с завинчивающейся пробкой.

Для чего ему нужна бутылка, Борис пока не знал, но предполагал, что пустая тара могла пригодиться.

Глава девятая

*Продолжение экскурсии по химчистке. Теперь можно поставить
написание диссертаций на поток!*

Завтра летим на Устюрт ^[120].

– Химчистки типа Орбита установлены во многих локомотивных и вагонных депо МПС. В принципе чистят они одежду хорошо и быстро, только вот реагенты, на которых работают очень опасны, – начала рассказывать девушка, как только они вышли из комнаты, в которой пили чай.

– Можно ли что-то сделать, чтобы уменьшить выброс трихлорэтилена в помещение? – спросил Борис, понимая, что лучше чем заведующая, никто не знает слабые места химчистки.

– Травит бак с трихлорэтиленом, соединения трубопроводов, имеется залповый выброс вредного вещества при загрузке и выгрузке одежды.

– Сколько вы должны загружать в бак грязной спец одежды? – спросил Борис, смотря на высокую металлическую бочку, со стеклянным окошком в центре.

– Пятьдесят килограммов. Но как взвесить грязную одежду? – спросила девушка.

– Повесить перед приемным отверстием машины оттарированную до пятидесяти килограммов пружину и повесив на нее тюк с бельем, будете точно знать, сколько он весит. Набрали пятьдесят килограммов белья и закрыли люк. И чистка одежды идет лучше и выбросов меньше! – предложил Борис.

– Это имеет смысл, но остаются еще сгнившие резиновые уплотнители, которых не меняли года полтора точно Это как раз то время, которое я работаю здесь. Очень большой выброс идет от чистого белья, в котором сохраняется остаточный трихлорэтилен.

– Можно выкинуть чистую одежду на улицу, где она будет спокойно проветриваться три – четыре дня! – предложил Борис, забирая у девушки кусок изъеденного агрессивным реагентом резинового уплотнителя.

– И к утру, половина спецодежды исчезнет! Народ даже, если ему не нужно, унесет на тряпки бесхозную спец одежду. А сторожа поставить возле нее никто не даст! – скептически хмыкнула девушка.

– Я сейчас пойду на прием к начальнику депо по своим вопросам. Давайте я воспользуюсь служебным положением, и все недостатки по химчистке изложу начальнику депо! Посмотрим, что он на это скажет! Не думаю, что просто так

начальник депо отмахнется от моих рекомендаций! – предложил Борис, протягивая пустую бутылку девушке.

– Вы, думаете, он вас послушает? – недоуменно подняла брови девушка.

– У него просто нет другого выхода. Я работаю совсем в другой системе и отвечаю за проверку вашего депо только своим честным именем и перед собственным начальством! Налейте бутылку трихлорэтилена! Я попробую сделать химический анализ этой жидкости! Что-то у меня подозрение, что это не та жидкость, которая заявлена по документам! – попросил Борис, кидая взгляд на часы.

– Подождите минуту! – попросила девушка, забирая у Бориса бутылку.

Девушка ушла, чтобы меньше чем через пол минуты вернуться с полной бутылкой и респиратором «Лепесток» ^[121] на лице.

– Извините, забыла снять! – передавая бутылку, сказала девушка.

– У вас в депо есть гараж или резино – технический участок? – спросил, осененный неясной мыслью Борис.

– В депо нет, но Бахтияр хотел открыть в своем кооперативе небольшой участок оезиновых ишделий, – улыбнулась девушка, сдернув с лица респиратор.

– Вот и дадим ему немного заработать! – вслух решил Борис, прикидывая, что надо обязательно посмотреть по бухгалтерии какие именно респираторы списываются по химчистке.

Спрятав бутылку с трихлорэтиленом в сумку, Борис, кивнув на прощанье, пошел к выходу.

– Вы с Анваром ровно держитесь! Не поддавайтесь на провокации! Он очень любит подставлять людей! – негромко напутствовала девушка, печально улыбнувшись.

«Значит, начальник депо со стопроцентной гарантией сыночек член-кора! Как мы состыковались с член-кором – отдельный вопрос! Первая и вторая встреча точно не подготовлена! Никто не мог предположить, что я не поеду вперед, а остановлюсь на обочине! Вторая встреча в тот же день – тоже случайность! Я и сам не знал, что поеду обедать в „Голубые купола“! Да и третья встреча тоже случайность! Но вот если во время разговора с начальником депо позвонит член-кор, то будем считать, что против меня идет охота! Но какая мне разница! Мне сейчас надо изготовить пресс-формы этих злосчастных монет и в темпе написать три диссертации! А потом можно свалить на Землю обетованную, а там хоть трава не расти!» – прикидывал расклад Борис, быстро идя к кабинету начальника депо.

Зайдя в приемную, Борис увидел Марию Петровну, которая сидела на своем месте, по-прежнему быстро печатая на своем компе.

– Вы зря пришли! Анвар Фаридович только что уехал в Москву! Его срочно вызвали в МПС!

Из своего кабинета выскочил главный инженер и махнув рукой, приглашая к себе в кабинет.

– Шеф улетел вместе с Бахти в Москву, так что я вместо него!

– Это хорошо или плохо? – спросил Борис, принимая пиалу с чаем.

– Две комиссии упали на мою голову и нет помощников! – покачал головой главный инженер.

– Такова собачья жизнь! – развел руками Борис, прекрасно понимая своего собеседника.

– Если мы все документы подготовим, то шансы выкрутиться по твоей проверке у нас есть? – напрямую спросил главный инженер.

– Я вам от собственных щедрот могу дать неделю, максимум полторы для приведения бухгалтерии в порядок. Но только вы своим подчиненным не говорите этого, а то они расслабятся и все отложат на последний день. Вот привести химчистку в порядок придется.

Я сегодня набросаю план работы по улучшению условий труда! И если вы все сделаете за неделю, то у вас появятся шансы благополучно выскочить из проверки!

– Выручай коллега! Мы же с вами заканчивали один институт! К однокашникам надо относиться по-доброму! – взмолился главный инженер.

– Сейчас я пойду домой и сяду за составление плана работ и заодно нарисую эскизы. Самое сложное сделать подпольную систему вентиляции в химчистке! – задумчиво сказал Борис, чертя на листке бумаги клетку из прутьев.

– Что это такое? – удивился главный инженер.

– Помимо того, что у вас травят все уплотнители и идет залповый выброс трихлорэтилена при загрузке машины, очень много вредных веществ выделяется при проветривании чистой спецодежды. Оборудовать за неделю комнату для чистой спецодежды согласно норм, вы не успеете, а вот сделать такую клетку и оставлять чистую спец одежду в ней для проветривания – дело двух часов! То есть у вас и волки будут сыты и овцы целы! – протянул листок Борис.

– Интересное техническое решение! – восхитился главный инженер, с интересом смотря на Бориса.

– Так что: начинаем работу или нет? – встав со своего места, спросил Борис.

– Начинаем! Тем более, что когда-то подпольная система вентиляции в химчистке была! У меня даже остался человек, который ее эксплуатировал! Сейчас же кину всех кооперативщиков на эту работу! Думаю за неделю справимся! – радостно потирая руки, заявил главный инженер.

Едва Борис вышел в приемную, как секретарь на одном дыхании шепнула:

– Завтра к восьми утра приходите, и программист вам все данные перекинет на лаптоп!

Борис не стал отвечать, а поднял вверх правую руку с соединенным в кольцо указательным и большим пальцем ^[122].

Дойдя до своих апартаментов, Борис переоделся, разложил лаптоп и с головой окунулся в работу, забыв обо всем на свете.

Встал из-за стола Борис только в девять часов, выяснив, что он опять написал чуть меньше сорока листов.

«Если работать такими темпами, то я за неделю напишу одну диссертацию! А если секретарша мне материалы подгонит, то и две! Но надо садиться за материалы по проверке депо и написать мероприятия для главного инженера. Жалко, что придется писать от руки!» – рассуждал Борис, делая легкие разминочные упражнения.

Поставив кипятиться воду, Борис нарезал колбасу, хлеб и только принялся за ужин, как в голову пришла светлая мысль:

«А почему нельзя написать на лаптопе мероприятия? Если можно перекинуть с секретарского компьютера данные, то почему нельзя и обратно? Тем более, что у секретарши стоит принтер, на котором она их тут же и распечатает!

Надо первой Зухре отдать диссертацию! Такую машинку подогнала! Работать одно удовольствие! Страницы так и прыгают из головы! Никаких денег за лаптоп не жалко! Молодец девушка! И я обязательно заберу лаптоп с собой в Израиль!» – рассуждал Борис, медленно попивая чай и прикидывая дальнейшие планы на вечер.

Зазвонил телефон.

– Шварцман слушает! – вальяжно отозвался Борис.

– За вами машина пришла! – испуганным голосом заявила дежурная.

– Я никуда сегодня не поеду! Пусть приедет завтра без десяти восемь! – распорядился Борис, которому совершенно никуда не хотелось ехать сегодня, тем более, что работа прекрасно шла и еще можно было спокойно часов пять потрудиться.

Борис принял душ, убрал со стола и снова заварив чай и снова сел за стол.

Часа два поработал, как опять зазвонил телефон.

– Я вас не разбудил? – вкрадчиво спросил голос старшего Умарова.

– Добрый вечер Фарид Сагиевич! – первым делом поздоровался Борис, показывая, что узнал абонента.

Трубка молчала, показывая, что член-корр ждет продолжения разговора, то бишь ответа на свой прямо поставленный вопрос.

Тяжело вздохнув, Борис, решил ответить, прекрасно понимая, что от него ждут.

– Я сижу, работаю. Появились очень интересные мысли, вот сижу и записываю.

– Молодость, молодость! Мне уже требуется девять – десять часов полноценного сна, чтобы мог работать в полную силу! – притворно вздохнул членкор.

– Вы прекрасно выглядите! В вашем возрасте вы сами водите машину, бегае по городу, как молодой конек! Вам можно только позавидовать! – подольстил Борис, гадая зачем он понадобился в такое позднее время Умарову.

– Вы еще не передумали ехать на раскопки? – спросил Умаров, негромко хмыкнув.

– Мы же с вами мужчины! А настоящие мужчины обратно своих слов не берут! – деланно оскорбился Борис, гадая, что нужно сейчас от него Умарову.

– Только что мне позвонили с Устюрта. Мои ребята нашли очень интересный артефакт, который вас заинтересует! – закинул наживку Умаров, явно ожидая, как на нее прореагирует Борис.

– Готов хоть сейчас лететь с вами на край света! – бодро отрапортовал Борис, откидываясь на спинку стула.

«По всем правилам хорошего тона, я должен вскочить и стоять по стойке „Смирно“ при разговоре с таким высокопоставленным лицом. Но так как Умаров меня не видит, то можно немного расслабиться! Пока еще не придумали устройств для просмотра физиономии абонента!» – решил Борис, закидывая ноги на стол.

– Завтра в десять часов самолет пойдет на Устюрт! Встречаемся в пол десятого в зале ожидания! – жестко сказал Умаров и повесил трубку телефона.

– Сложный человек мой шапочный знакомый! И очень мне не нравится! Но другого пути попасть на Устюрт у меня нет! Придется плыть по течению! – негромко, сам себе под нос, пробормотал Борис, снова включая лаптоп.

Еще шесть часов работы и пятьдесят страниц диссертации напечатаны.

Сложив сумку, Борис сунул в нее лаптоп, и окинув взглядом комнату, решил оставить ее за собой, заплатив за две недели вперед, тем более, что проплата гостиницы будет лучшим доказательством того, что проверяющий постоянно находился в месте командировки.

Помотав головой, Борис за сорок секунд разделся, и, упав в кровать, моментально заснул, едва только голова коснулась подушки.

Встал Борис, как и приказывал в семь утра.

Приняв душ, быстро позавтракал и вышел из комнаты.

Подойдя к дежурной, заплатил за две недели вперед, предупредив, что он на день – другой может не появиться в номере.

– Номер я оставляю за собой! – закончил разговор Борис и закинув ремень сумки на плечо, пошел на выход.

У двери стоял УАЗ – четыреста шестьдесят девятый с молодым водителем за рулем.

Едва Борис вышел как водитель высунул голову из окошка и довольно неприветливо спросил:

– Вы Шварцман?

– Да, я! – жестко ответил Борис, недоуменно посмотрев на водителя.

– Машина в вашем полном распоряжении, товарищ Шварцман!

– Сейчас едем в вагонное депо, а оттуда в аэропорт! – приказал Борис, вспомнив свое армейское прошлое.

– Слушаюсь, товарищ Шварцман! – сразу сменив тон.

– Тогда вперед и с песней! – скомандовал Борис, садясь на переднее пассажирское место.

– Погнали! – согласился водитель, трогая с места.

Без пятнадцати восемь, машина остановилась у здания депо, и, схватив сумку с лаптопом, Борис бросился наверх.

Секретарь уже была на месте и вовсю стучала по клавиатуре.

– Доброе утро! – поздоровался Борис, вопросительно смотря на секретаря.

– Сейчас придет программист и все перекинем в твой маленький компьютер! – успела сказать секретарь, как появился лохматый программист с какой-то квадратной штучкой, размером с пачку «Беломора» [123] и двумя проводами, которые споро воткнул в разъемы лаптопа.

Борис засунул две пятидесятирублевые купюры под бумаги на столе, которые волшебным образом скользнули в руку секретаря.

– Вы мне обещали пять программ! – напомнил программист, быстро стуча по клавиатуре всеми десятью пальцами.

– Списывай! Мне не жалко! – разрешил Борис, смотря как на экране появился файл, на котором было написано: «Кунград».

Следом появилось еще одно окно, где побежали цифры процентов загрузки.

– Куда ты загружаешь мои программы? – заинтересовался Борис.

– Новейший блок памяти, на который можно загрузить десять гигабайт памяти! – гордо заявил программист, с опаской поглядывая на кабинет главного инженера.

– Не дергайся! Работай спокойно! Главного вызвали в отделение дороги на совещание к восьми утра! – сообщила секретарь, выкладывая на стол три Борисовские папки, которые денно и ночью набивала в компьютер.

– Секретарь должна все знать, никогда ничего не забывать, никому ничего не говорить и всегда быть на месте! – глубокомысленно заявила Мария Петровна, закидывая в рот очередную папиросу.

– Но вы же мне сказали про главного инженера! – попробовал возразить Борис, отодвигая от себя свои папки и глазами показывая на ящик стола.

Мария Петровна понятиливо кивнула, продолжая печатать со скоростью скорострельного пулемета.

– Мне бы такой тоже не помешал! – моментально отозвался Борис, смотря на программиста.

– Я могу только на время дать вам переносную флеш – память на пятьсот мегабайт! – моментально сообразил программист, вставляя в разъем небольшой пластиковый цилиндр, весьма смахивающий на футляр губной помады.

– Сколько информации набила Мария Петровна? – поинтересовался Борис, прикидывая, что на такой маленькой штучке можно увезти десяток диссертаций.

– Три восемьдесят три мегабайта! Таких книг поместится еще штук шестьдесят! – обрадовал Бориса программист, начиная выходить из программы.

– Я скинул вам в комп десять игрушек. Можете на досуге поиграть! – радостно заявил программист и собрав свои причиндалы в картонную коробку, исчез.

– Пусть мои папки у вас полежат! Меня дней пять – семь не будет! Срочно улетаю! Работа! – развел руками Борис, выскакивая из приемной.

Глава десятая

*Путь на Устюрт. Неожиданная посадка на берегу Аральского моря.
Рассказ о строительстве Большого Туркменского канала.*

Сев в машину, Борис скомандовал:

– Теперь в аэропорт! – убирая лаптоп в сумку.

– Сейчас нет ни одного борта! Ближайший борт будет только через три часа! – попробовал возразить водитель, тем не менее, дисциплинированно включая двигатель автомобиля.

– Для кого нет, а для кого и полетит! – отозвался Борис, перед глазами которого вертелись миниатюрные хранители информации.

«Сколько можно интересных книг на эту флеш-память сбросить и какую информацию сразу выдавать в научные работы! За год вполне реально докторскую диссертацию накропать!» – успел только подумать Борис, как внутренний голос внес свою долю скепсиса:

«У тебя уже написана вторая докторская диссертация по экономике социализма! Только кому она сейчас нужна? Кому понадобятся в Израиле твои экономические методики эпохи развитого социализма? Надо решать насущные вопросы, а не предаваться беспочвенным мечтаниям! Защита же первой докторской прошла на „Ура“ на Ученом Совете и сейчас ты ждешь только подтверждения! И не забывай, что у тебя на хвосте сидит самая могущественная спец служба в мире!»

«Но не может же быть все так плохо! Остались же у Соколова какие-то человеческие отношения! Есть же в мире понятия: честь, порядочность, жалость!» – попробовал возразить Борис своему внутреннему оппоненту.

«Очнись парень! Одна из могущественных держав разваливается, а ты говоришь о какой-то порядочности и жалости! Человек человеку волк!» – напомнил внутренний голос.

– Вас куда конкретно подвести? Могу прямо на взлетное поле к самолету! – второй раз спросил водитель, останавливаясь перед зданием аэропорта.

– Спасибо! Уже приехали! – не отвечая на заманчивое предложение водителя, бросил Борис, открывая пассажирскую дверцу.

Посередине зала ожидания стоял Умаров с двумя молодыми людьми и нетерпеливо поглядывал на часы.

– Давай быстрее двигайся! Все только тебя ждут! – вместо приветствия приказал Умаров, первым начиная движение.

АН – второй стоял прямо у выхода на летное поле.

Умаров первым взбежал по металлической лесенке и тут же начал работать мотор.

Еще пара минут и самолет, начал двигаться, а еще через минуту взлетел.

Пристроившись рядом с Умаровым на длинной скамейке, Борис только откинул голову, собираясь подремать, как Умаров довольно невежливо толкнул его в бок, громко проговорив:

– Ты не спи! Скоро будем пролетать Муйнак и ты сможешь посмотреть кладбище кораблей в пустыне!

– Что такое Муйнак? – спросил Борис, которому хотелось отвлечься от мрачных мыслей, которые его сейчас одолевали.

– Слово Муйнак тюркского происхождения означает собаку с белой шеей, а по-каракалпакски – мойнак – бархан, узкая полоса воды, перешеек.

Поселок Муйнак известен очень давно. Еще в царствование Петра Первого в Муйнак ссылались русские староверы, которые потом посылали на царский стол королевскую рыбу – усача! Замечательная рыба была! – с ностальгией вспомнил Умаров.

– Я пробовал усача. Вареная – так себе, а жаренная и соленая – пальчики оближешь! – тоже поделился воспоминаниями Борис, уносясь в прошлое.

Голубовато-зеленое море, теплое, как парное молоко и куча деревянных фелюг, которые уходили в море на рассвете, чтобы к обеду вернуться в порт с уловом.

Они подходили к борту фелюги, вернее большого баркаса и за бутылку водки им в катер кидали три-четыре усача, а если просили сазанов, то их кидали без счета.

Стоило только отойти от берега метров на пятьсот, то море становилось прозрачно-голубым, где так было приятно плавать! Тело совсем не чувствовало воду! Казалось ты паришь над дном, не чувствуя своего тела! А какие пляжи! На тысячи километров мельчайший и чистейший песок!

– Ты меня совсем не слушаешь! Уставился в окно и думаешь о чем-то своем! – с обидой выдал Умаров.

– Я очень внимательно вас слушаю! Вот только непонятно, как могла доехать рыба до царского стола, который находился в Петербурге в начале восемнадцатого века? – спросил Борис, поворачиваясь к своему собеседнику. Тем более, что за окном самолета не было ничего интересного. Бесконечные солончаки, пересекавшие песчаные барханы.

А вот парочку водяных рукавов вдалеке, окаймленные кустарниками и деревьями, которые радовали глаз, Борис рассмотреть не успел, повернувшись лицом к Умарову.

Говорить неуважительно с человеком, тем более, старше по возрасту, Борис просто не умел! Воспитание, привитое с молоком матери, просто не позволяло не только так себя вести, но и даже придать какие-то нотки в разговоре со старшими, кроме вежливых.

– Ловили усачей зимой, сажали в бочки, выложенные водорослями и заполненные морской водой, и отправляли в столицу!

У меня был приятель, который жил в Ташкенте, а работал в Муйнаке, так он в начале семидесятых годов нашел у одного старовера старинную икону шестнадцатого века, которую тот использовал в виде крышки для бочки для засолки огурцов! – вспомнил Умаров, победно посмотрев на Бориса.

– Я в такие тонкости не вдавался! Мы катались на катерах, водных лыжах и даже немного занимались подводной охотой на Арале. Только не около Муйнака, а около Устюрта! – не остался в долгу Борис.

– Ты знаешь, что Арал в течение веков несколько раз пересыхал и снова наполнялся? – спросил Умаров, и не дожидаясь ответа Бориса, а довольствуясь только удивленным взглядом, продолжил:

– В пятидесятые годы Арал считался четвертым соленым озером в мире!

Но в шестидесятых годах началось интенсивное строительство оросительных каналов, построены плотины, которые почти полностью перегородили Аму – Дарью, закрыв сток воды в Аральское море.

Хотя несколько веков тому назад Арал катастрофически мелел, и на его месте была пустыня!

– Не может быть! – подлил мала в огонь Борис, кидая взгляд вниз, где появилось больше каналов и зелени.

– На обмелевшем дне Аральского моря обнаружили мавзолей Кердери, имеющий размеры большого бугра сорок два на тридцать метров и высотой почти два с половиной метра. Фундамент мавзолея сложен из каменных плит высотой полтора метра! Сам мавзолей построен из обожженного кирпича и обложен глазурованными декоративными плитками! Рядом с мавзолеем расположены ремесленные мастерские и большое городище!

А в двадцати пяти километрах от Кердери обнаружен еще один мавзолей и еще один город, что говорит о плотном заселении этой местности!

– Кто такой был Кердери? – попробовал уточнить Борис, смотря как растекается Аму – Дарья по множеству рукавов.

– Кердери – исламский богослов и правовед, занимался толкованием и исследованием ислама. Получил образование в Багдаде, Басре и Дамаске, – быстро ответил Умаров, показывая на иллюминатор.

Слева показался небольшой поселок, справа от которого прямо на песке лежало десятка три железных кораблей.

Самолет сделал правый поворот и пошел вдоль асфальтовой дороги, которая шла параллельно ясно видимой линии берега.

Промелькнули внизу белые многоэтажные корпуса какого-то недостроенного здания.

– Начали строить санаторий, но не доделали – море ушло! – отрывисто сказал Умаров.

Дорога уперлась в железные ворота, прошла метров пятьсот и закончилась, оставив слева от себя бетонные прямоугольники фундаментов, в начале и конце транспортной артерии.

«Когда-то здесь было два пионерских лагеря! Республиканский „Рахат“ и „Газовик“! Как близко море к ним подходило!» – вспомнил Борис, сохраняя на лице каменное выражение. Самолет, тем временем, ушел вправо и минут через тридцать полета, начал снижаться, держа курс на береговую полосу, тянущуюся вдоль воды.

Развернувшись параллельно берегу, самолет пошел на посадку и через минуту приземлился,

прокатившись всего метров двести по плотному песку.

Остановившись около зеленого армейского грузовика, самолет выключил двигатель.

Стало нереально тихо и даже слышно, как в кабине негромко говорят пилоты.

Стукнул, приставленный снаружи трап, щелкнул замок, и открылась дверь.

Внутрь ворвался яркий солнечный свет и соленый морской воздух.

– Пойдем, пройдемся! – предложил Умаров, едва самолет выключил двигатель, первым вставая на ноги.

– Почему почти все корабли стоят на ровном киле? – спросил Борис, старательно наморщив лоб.

– Местные жители поставили. Так корабли лучше смотрятся! Туристам нравится! – бросил Умаров, целенаправленно вышагивая от самолета, где слышался металлический лязг, показывая, что в самолет, что-то интенсивно грузят.

– Из-за чего же началось обмеление Арала? – спросил Борис, стараясь разрушить тягостное молчание.

– Все началось со строительства Главного Туркменского Канала! С пятидесятого по пятьдесят третий год в Советском Союзе не было ни одного печатного издания, которое бы не печатало статей о ГТК!

ГТК называли главной и величайшей стройкой коммунизма! Это была очередная инициатива Сталина: строительство канала Аму-Дарья – Красноводск! Строительство называли «Величайшей стройкой века», «Великой стройкой коммунизма» и даже «Воплощением сталинского плана преобразования природы»!

– Но раньше, я где-то читал, тоже были какие-то планы по обводнению пустынь! Великий князь Николай, который жил в Ташкенте занимался обводнением голодной степи, строительством дорог! – показал свою образованность Борис, удостоившись удивленного взгляда Умарова.

– Первым царем, который понял значимость водных путей в Азии был Петр Первый!

У него были планы военно-торговых путей стратегического назначения из России через Хиву, Бухару в Индию, о повороте Аму-Дарьи в Каспийское море! И эта разработка проектов продолжалась вплоть до пятидесятого года на уровне правительства СССР!

Петра Первого интересовала не жалоба туркменского аксакала Ходжи Непеса на хивинского хана, а возможность водного пути

Из России в Индию.

Но и Зоджи Непес был не прост! Он закинул царю приманку о громадных запасах «песошного золота», которые имеются в среднем течении Аму-Дарьи.

Маркс и Энгельс в своих работах пишут, что туркменскому народу в девятнадцатом веке дорого обошелся интерес России к Аму-Дарье. Да и России не дешево.

Царю было представлено несколько вариантов пропуска вод Аму-Дарьи в Каспийское море через Саракамышскую впадину и в обход ее!

Первая военно – разведывательная экспедиция Бековича-Черкасского ^[124] окончилась неудачей, а вторая вообще трагедией ^[125]! Кожу князя Бековича-Черкасского натянули на барабан хивинского солдата!

Сто пятьдесят лет спустя экспедиция генерала Глуховского исследовала старые русла Аму-Дарьи в том числе и старое русло Узбоя, как вариант для пропуска вод Аму-Дарьи в Каспийское море! – распинался Умаров и вдруг замолчал.

Мотор самолета заработал, и Умаров круто развернувшись, пошел к самолету.

Борису ничего не оставалось делать, как двинуться вслед за своим собеседником.

Зеленого грузовика видно не было.

Только на берегу стоял самолет с работающим двигателем.

Взбежав в самолет вслед за Умаровым, Борис только успел сесть на свое место, как начался взлет.

Разбежавшись по прибрежной полосе, самолет легко поднялся в воздух, и пошел влево.

Едва самолет выровнялся и лег на курс, как Умаров снова продолжил рассказ:

– Еще в тридцатом году двадцатого века началось строительство каналов для обводнения засушливых, но пригодных для орошения земель Туркмении.

В двадцать девятом году по Бассага – Керкинскому каналу, который был длиной сто километров, пошла вода по Келифскому Узбою в глубь юго-восточных Какракумов.

Было предусмотрено изъятие из Аму – Дарьи до пятидесяти кубокилометров воды в течении восьми лет.

– Откуда такие точные цифры? – удивился Борис.

– Этот вариант был предусмотрен в решении Техэкономсовета при Президиуме Госплана СССР от двадцать пятого декабря тридцать второго года! – мгновенно парировал Умаров, победоносно смотря на Бориса.

– Не слышал о ничем подобном! – снова подал реплику Борис.

– Длина канала должна была составить тысяча двести километров! И ни одна капля Аму-Дарьинской воды не должна была попасть в Каспийское море! Вся вода должна была пойти на обводнение Каракумов! – громко объявил Умаров, как будто это была полностью его заслуга.

– Но это же утопия! Не только с точки зрения экономиста, но и профессионального гидротехника! – искренне возмутился Борис.

– Товарищи тогдашние ученые объявили, что изъятие воды из стоков Аму-Дарьи не повлечет никаких изменений для Арала!

Начало канал брал у мыса Тахиаташ в Аму – Дарье, в десяти километрах от Нукуса, где река сужалась до шестиста метров и заканчивалась вблизи Красноводска, у Каспия.

– И как начали строить канал? – заинтересованно спросил Борис, изредка поглядывая вниз.

Внизу расстилались желтые пески покрытые белой коркой соли.

– Сначала было организовано управление «Средазгидрострой»^[126] и уже с четвертого квартала пятидесятого года было начато строительство ГТК^[127]. Сначала, как водится, начали с временных сооружений Главного Туркменского канала.

За пятьдесят первый год было освоено двадцать два миллиона рублей! И это только за один год! Представляешь какими темпами шло строительство канала!

Было организовано с десяток лагерей в Тахиаташе, Ургенче и Нукусе, заключенные которых работали в три смены. Да и гражданских нагнали со всех окрестных сел и городов!

Даже был создан лагерь – совхоз в Ходжейли! В этом совхозе выращивали мелкий и крупный скот, сеяли пшеницу, и даже была своя пасека!

Но в пятьдесят третьем году, после смерти Сталина, строительство ГТК было прекращено.

За время строительства канала было истрачено около двадцать одного миллиарда рублей! Даже по нынешним деньгам огромная сумма, а в первые послевоенные просто астрономическая! – закончил рассказ Умаров о величайшей стройке века, как самолет начал снижение.

«За интересной беседой весь полет прошел незаметно! Но только уж очень меня Умаров обхаживает, как невесту на выданье!» – мысленно похвалил Борис своего собеседника.

– Сейчас приземлимся, переночуем, а завтра полетим дальше! – пояснил Умаров план сегодняшнего дня, ткнув пальцем в иллюминатор.

Сверху была видна приличных размеров каменная стрела, по краям которой буйно росла зелень, что резануло по глазам, уже привыкшим к серо-бурым цветам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.